

БРЕНДОН САНДЕРСОН

АРХИВ БУРЕСВЕТА

ГРАНЕТАНЦОР

Действие повести разворачивается между событиями второго и третьего томов «Архива буресвета». Неугомонной Лифт наскучила сытая жизнь в Азире, и она сбегает из дворца. Погоня за Мраком, который когда-то чуть ее не убил, приводит Лифт в Ташикк, в город Йеддо, выстроенный в каменных расселинах. Мрак и его подручные разыскивают здесь человека с необычными способностями. Но почему Лифт преследует Мрака? Только ли потому, что хочет съесть его завтрак?

Информация о переводчиках

Перевод и редакция: AndrewParf, zhuzh, Anahitta, marmax, paloozer

Локализация обложки: zhuzh

Некоторые термины в нашем переводе не соответствуют официальному переводу цикла и приведены ниже:

Оригинал	Оф. перевод	Перевод Booktran	Пояснения
Lift	Крадунья	Лифт	Мы считаем, что Лифт – это имя, а не прозвище, поэтому переводить его не нужно.
starving	лядащий	голод побери	Из благозвучия
awesomeness	круть	потрясность	Не смогли отказаться 😊

Внимание! Эта история разворачивается после событий романа «Слова сияния» и содержит спойлеры.

Приятного чтения!

Брендон Сандерсон
«Гранетанцор»

Лифт приготовилась стать потрясной.

Она бежала через поле где-то на севере Ташикка, чуть больше чем в неделю пути от Азимира. Все вокруг заросло бурой травой высотой в пару футов. Изогнутые стволы редких высоких деревьев напоминали переплетенные между собой лозы, ветви тянулись скорее вверх, нежели в стороны.

У деревьев было какое-то мудреное название, но из-за упругих корней все звали их «мертвопадами». Во время бури они валялись плашмя и лежали, а потом подскакивали обратно, словно показывая неприличный жест пронесшимся ветрам.

Лифт спугнула стайку пасущихся неподалеку рубиланей. Поджарые создания прыгнули прочь на четырех лапах, прижав две передние клешни к туловищу. Неплохая еда, эти зверушки, — у них и панциря, считай, нет. Однако на этот раз Лифт была не в настроении для перекуса.

Она торопилась.

— Госпожа! — позвал Виндль, ее ручной пустоносец.

С огромной скоростью он вырос в виде вьющейся по земле лозы, подстраиваясь под шаг Лифт. Лица у него сейчас не было, но разговаривать он все равно мог. К сожалению.

— Госпожа, пожалуйста, может, вернемся? — умолял он.

Не-а.

Лифт стала потрясной. Зачерпнула что-то внутри себя — то, что заставляло ее светиться, — смазала этим ступни и, прыгнув, заскользила вперед.

Ощущение контакта с землей внезапно исчезло. Лифт двигалась по полю, будто рассекая лед. Трава вокруг шарахалась в стороны, сворачиваясь и прячась в каменные норки. Лифт словно катилась на гребне волны.

Ветер развевал ее длинные черные волосы и трепал рубашку. Под рубашкой была надета более обтягивающая коричневая сорочка, заправленная в свободные штаны с отворотами.

Лифт скользила и ощущала себя свободной. Наедине с ветром. За ней увязался маленький, похожий на белую ленточку спрен ветра.

А потом она врезалась в валун.

Дурацкий валун держался крепко — ему не давали оторваться от земли небольшие клочки мха, цеплявшиеся за всевозможные камни в поисках укрытия от ветра. Вспышка боли в ноге — и Лифт, кувыркнувшись в воздухе, шмякнулась лицом о каменистую поверхность.

Инстинктивно сделав лицо потрясным, она продолжала скользить на щеке, пока не врезалась в дерево. И наконец остановилась.

Дерево медленно завалилось и, с шумом ударившись о землю, притворилось мертвым.

Лифт села, потирая лицо. Она поранила ступню, но потрясность довольно быстро залечила порез. Лицо почти не пострадало. Если какая-то часть ее тела становилась потрясной, трение исчезало и она просто... скользила.

Еще она чувствовала себя глупо.

— Госпожа.

Виндль подобрался ближе. Похожими лозами важные чудаки прикрывали те места своих домов, что выглядели недостаточно богато, разве что из лозы Виндля по всей ее длине росли кристаллики. Они торчали в самых неожиданных местах, как ногти на лице.

При движении он не извивался угрем, а действительно рос, оставляя за собой длинный след. Тот вскоре кристаллизовывался и распадался в пыль. Странные они, эти пустоносцы.

Виндль свернулся в моток и вырастил из лозы маленькую башенку. На ее вершине появилось лицо из побегов, листьев и самосветов. Когда он говорил, рот искривлялся.

— О, госпожа, может, поиграли и хватит? Нам нужно обратно в Азимир!

— Обратно? — Лифт поднялась на ноги. — Мы же только что оттуда сбежали!

— Сбежали?! Из дворца? Госпожа, вы были почетной гостьей императора! У вас было все, что пожелаете. Столько еды, сколько...

— Сплошное вранье. — Лифт уперла руки в бока. — Чтобы я не просекла правду. Они собирались меня сожрать.

Виндль запнулся. Для пустоносца он был не таким уж страшным. Наверное, он из тех пустоносцев, что носят дурацкие шляпы, а остальные над ними смеются. Или из тех, что вечно всех поправляют, а когда пустоносцы садятся пожирать человеческие души, объясняют, какую взять вилку.

— Госпожа, люди не едят людей. Вы были гостьей!

— Ага, но с какой стати? Меня задарили всякой всячиной.

— Вы спасли жизнь императору!

— Этого хватило бы только на пару дней халявы, — возразила Лифт. — Как-то я вытащила одного парня из тюрьмы, так он разрешил мне бесплатно пожить в его логове целых пять дней и еще платочек красивый подарил. Вот это щедрость. Азирцы позволяют мне оставаться, сколько захочу? — Она покачала головой. — Им что-то нужно. Единственное объяснение. Голод побери, они собирались меня сожрать.

— Но...

Лифт снова припустила бегом. Каменистая поверхность, испещренная норками, приятно холодила ступни и пальцы ног. Никакой обуви. Что хорошего в обуви? Во дворце ей предлагали на выбор целую кучу. А еще хорошую одежду — большие удобные халаты и мантии. В такой одежде и потеряться недолго. Хотя было приятно разок примерить что-нибудь мягкое.

Потом к ней начали приставать с вопросами. Почему бы не взять пару уроков и не научиться читать? Все были очень благодарны за то, что она сделала для Гокса. Он стал Верховным Акастиксом — так чудно именовали правителя Азира. Говорили, что за заслуги ей полагаются наставники. Она сможет научиться правильно носить все эти одеяния, научиться писать.

Ее начали снестать сомнения. Если остаться, то как скоро она перестанет быть самой собой? Сколько продержится, прежде чем ее поглотят и на ее месте появится другая девочка? С тем же лицом, но совсем другой человек...

Она снова попыталась использовать потрясность. Во дворце ей говорили о возрождении древних сил — о Сияющих рыцарях, о связывании потоков — сил природы.

«Я буду помнить о тех, кого забыли».

Лифт покрыла себя силой и проскользила несколько футов по земле, прежде чем полетела кубарем по траве.

Стукнула кулаком по камням. Дурацкая земля. Дурацкая потрясность. Как тут не упасть, когда ноги разъезжаются еще больше, чем если бы их намазали маслом? Лучше снова грести, сидя на коленях. Это намного легче: так можно держать равновесие и помогать себе руками. Будто маленький краб, снующий взад-вперед.

«Они блистали красотой и изяществом, — говорил Мрак. — Могли пробежать по самой тонкой веревке, танцевать на коньках крыш, перемещаться словно ленточки на ветру...»

Мрак, тенью следовавший за ней по пятам, упомянул во дворце о людях, которые давным-давно обладали теми же способностями, что и Лифт. Может, врал. Все-таки тогда он собирался ее убить.

Но какой смысл врать? Он относился к ней свысока, словно она лишь пустое место, ничтожество.

Стиснув зубы, Лифт поднялась на ноги. Виндль все никак не мог закрыть рот. Не обращая внимания на его болтовню, она что есть сил рванула по пустому полю, распугивая траву. Взбежала на вершину холма и, покрыв ступни силой, прыгнула.

И тут же заскользила. Ветер. Встречный ветер толкал ее назад. Лифт зашипела и покрыла себя силой целиком.

Она вспарывала воздух, скользя боком по склону холма. Ветер скатывался с нее, будто не мог найти. Казалось, даже солнечный свет струится по коже. Она была где-то между, здесь и не здесь одновременно. Ни воздуха, ни земли. Лишь чистое движение, настолько стремительное, что она успевала дотянуться до травы, прежде чем та пряталась. Трава обтекала Лифт, сила не давала к ней прикоснуться.

Кожа засияла, в воздух потянулись дымные завитки света. Лифт со смехом достигла подножия холма и перепрыгнула через несколько валунов.

И угодила лбом в еще одно дерево.

Пузырь силы вокруг нее лопнул. Дерево опрокинулось, и два соседних тоже решили упасть — за компанию. Может, подумали, будто что-то пропустили.

Когда появился Виндль, Лифт с глупой ухмылкой таращилась на солнце, раскинувшись на стволе дерева и переплетя руки с ветвями. Над головой кружил единственный спрен славы в форме золотистой сферы.

— Госпожа? О, госпожа, вы были счастливы во дворце. Я же видел!

Лифт не ответила.

— А император, — продолжал Виндль, — он будет скучать по вам! Вы ведь даже не попрощались!

— Я оставила ему послание.

— Послание? Вы научились писать?

— Бури, нет. Я съела его ужин. Прямо из-под крышки на подносе, который ему готовились подать. Гокс поймет, что к чему.

— Мне это кажется маловероятным, госпожа.

Она встала на ноги и, потянувшись, сдула с глаз растрепавшиеся волосы. Может, и на коньках крыш потанцевать получится, и по веревке пробежать, и... что там еще? Уделать ветер? Да, уж это ей точно под силу. Лифт спрыгнула с дерева и продолжила путь.

К сожалению, желудок начал намекать, что потрясность порядком израсходовалась. Лифт зависела от еды гораздо сильнее большинства людей. Можно было вытянуть немного потрясности из всего, что она съедала, но когда та заканчивалась, Лифт не могла сделать ничего невероятного, пока не подкрепитя.

Желудок протестующе урчал. Ей нравилось думать, что он насылал на нее ужасные проклятия. Она пошарила по карманам. Целый мешок еды, что она прихватила с собой, опустел еще утром. Но ведь нашлась завалившаяся на дне колбаска, прежде чем она его выбросила?

Ах, да. Она съела ее пару часов назад, пока наблюдала за спренами реки. На всякий случай Лифт все равно порылась в карманах, но выудила лишь платок, в который заворачивала большую стопку плоскохлеба перед тем, как положить ее в мешок. Засунув один конец платка в рот, Лифт принялась жевать.

— Госпожа? — позвал Виндль.

— На мне еффе квочки афталифь, — прозвучало сквозь платок.

— Не стоило так долго связывать потоки! — Виндль ветвился рядом по земле, оставляя след из лоз и кристаллов. — И стоило остаться во дворце. О, до чего я докатился? Мог бы сейчас садоводством заниматься. У меня были великолепные кресла.

— Хрефла?

— Да, кресла. — Свернувшись кольцом, Виндль изобразил лицо и повернул его к Лифт. — В Шейдсмаре я собрал великолепнейшую подборку душ кресел с вашей стороны! Я ухаживал за ними, вырастил из них превосходные кристаллы. У меня было несколько «Победоплектов», отличный «Скирдяк», неплохое собрание ложкоспинок, даже трон, и не один!

— Ты вываффивал хрефла?

— Ну конечно я выращивал кресла. — Ленточка лозы раскрутилась и поплелась следом за Лифт. — Что же еще мне выращивать?

— Вафтения.

— Растения? В Шейдсмаре они есть, но я не какой-нибудь заурядный садовник. Я художник! Между прочим, я планировал целую выставку диванов, когда Круг избрал меня для этого чудовищного задания.

— Мажатча вефьмо вафгну.

— Не могли бы вы извлечь это из рта? — огрызнулся Виндль.

Лифт выплюнула платок.

Виндль недовольно фыркнул. Каким образом маленькая лоза может фыркать, Лифт не понимала, но фыркал он постоянно.

— А теперь не могли бы вы повторить?

— Это была тарабарщина. Я хотела посмотреть, что ты ответишь. — Лифт сунула в рот другой конец платка и принялась посасывать.

Под вздохи Виндля, продолжавшего бормотать о садоводстве и своей жалкой жизни, они двинулись дальше. Определенно, очень странный пустоносец. Если подумать, она никогда не видела, чтобы его хоть немного интересовало пожирание чьей-либо души. Может, вегетарианец?

Они пересекали небольшой лесок, скорее даже островок деревьев, как бы странно это ни звучало, ведь вокруг ни капли воды. Это были не мертвопады — те старались расти недалеко друг от друга, но поодиночке. У этих деревьев густые ветви по мере роста переплетались, чтобы противостоять великим бурям.

Самый очевидный способ выстоять. Все сплетают ветви, связывают себя. Но Лифт как мертвопад. Не переплетается, ни за что не цепляется — идет своим путем.

Да, она именно такая. Разумеется, поэтому она и покинула дворец. Нельзя просыпаться и видеть одно и то же изо дня в день. Нельзя оставаться на одном месте, иначе люди начинают узнавать тебя, начинают чего-то ждать от тебя. А там один шаг до того, как тебя поглотят.

Лифт остановилась прямо посреди рощи, на тропе, которую кто-то проложил и не давал

зарасти. Обернулась, посмотрела на север, в сторону Азира.

— Это из-за того, что с вами случилось? — спросил Виндль. — Я плохо разбираюсь в людях, но, мне кажется, это вполне естественно, хоть и на первый взгляд сбивает с толку. Вас же никто не ранил.

Лифт прикрыла рукой глаза. Менялось не то, что нужно. Она должна была остаться прежней, а мир вокруг измениться. Разве не об этом она просила?

Ей соврали?

— Мы... поворачиваем обратно? — с надеждой спросил Виндль.

— Нет, всего лишь прощаемся. — Она сунула руки в карманы и, развернувшись, зашагала дальше по тропе.

Йеддо был одним из городов, которые Лифт всегда хотела посетить. Он располагался в Ташикке, странном местечке даже по сравнению с Азиром. Местные жители казались слишком любезными и сдержанными, а еще носили одежду, из-за которой было сложно понять, что у них на уме.

Однако все твердили, что Йеддо стоит повидать. Отсюда ближе всего до Сесемалекс-Дар, куда, учитывая, что там уже миллион лет идет война, она, наверное, никогда не попадет.

Уперев руки в бока, Лифт осматривала город с холма. Она решила, что слухи не врут. Зрелище было удивительное. Азирцам нравилось считать себя великими, но они просто покрывали дома бронзой, золотом или еще чем-нибудь и ходили довольные. И что тут хорошего? Просто в стенах отражалось ее лицо, а она и так видела его слишком часто, чтобы впечатлиться.

Однако это зрелище завораживало. Величественный город. Голод побери, его вырезали прямо в земле.

Во дворце из разговора каких-то важных писцов она услышала, что город этот новый и основан всего сотню лет, для чего в Азире нанимали имперских осколочников. Их посылали не воевать, а копать шахты, раскалывать валуны и все такое. Очень практично. Все равно что взобраться на королевский трон как на табуретку, чтобы достать до верхней полки.

Кстати, не стоило на нее за это кричать.

В общем, они использовали осколочные клинки. Когда-то здесь была обширная каменная равнина. Теперь сотни глубоких расселин образовывали огромный лабиринт. Некоторые расселины были шире прочих и спиралью закручивались к центру. В центре возвышалось большое, похожее на холм строение — единственная часть города, выступающая над равниной.

На участках между расселинами были разбиты поля. Ни одной постройки, все скрывались внизу. Люди жили в расселинах, на глубине в два-три этажа. Интересно, как их не смывало во время великих бурь? Впрочем, горожане вырезали широкие каналы: в них, видимо, никто не жил, и вода свободно отводилась. Выглядело все это небезопасно, но довольно круто.

Отличное место, чтобы спрятаться. В конце концов, именно за этим она и явилась — спрятаться. Все. Других причин нет.

Стен у города не было, зато его окружало несколько сторожевых башен. Тропа вела вниз с холма и соединялась с широкой дорогой, которая упиралась в очередь. Множество людей ожидало разрешения спуститься в город.

— Как, во имя Рошара, им удалось вырезать такие огромные куски камня?! — Виндль свернулся в башенку из переплетающихся лоз, достающую Лифт до пояса, и повернулся лицом к городу.

— Осколочными клинками, — пояснила она.

— А-а-а-а. Этими. — Он с неудовольствием пошевелился, с хрустом переплетая и скручивая лозы. — Этими, значит.

Лифт скрестила руки на груди.

— Надо и мне такой раздобыть, как думаешь?

Как ни странно, Виндль громко закричал.

— Я тут прикинула, — начала объяснять Лифт, — у Мрака ведь такой есть. Он им сражался, когда пытался убить меня и Гокса. Значит, и мне нужен.

— Конечно, так и сделайте! Давайте прошвырнемся по рынку и прикупим невероятное всемогущее оружие из легенд и преданий, которое стоит больше многих королевств! Я слышал, его здесь на развес продают, прямо как весеннюю погоду на востоке.

— Цыц, пустоносец! — Она посмотрела в переплетение лоз его лица. — Ты что-то знаешь об осколочных клинках, я права?

Лозы будто поникли.

— Точно. А ну выкладывай. Что тебе известно?

Он покачал головой.

— Рассказывай, — пригрозила Лифт.

— Это запрещено. Вы должны узнать самостоятельно.

— А я чем занимаюсь? Я как раз узнаю. От тебя. Рассказывай, иначе укушу.

— Что?

— Укушу. Отгрызу от тебя кусок, пустоносец. Ты же лоза? Я ем растения. Иногда.

— Даже если вы не сломаете зубы о мои кристаллы, подкрепиться не выйдет, — сказал Виндль. — Откушенный кусок просто рассыпется в пыль.

— Дело не в том, чтобы подкрепиться. Я говорю о пытках.

Виндль с удивлением взглянул на нее своими кристаллическими глазами.

— Если честно, госпожа, вряд ли вы на такое способны.

Лифт зарычала, и он поник еще больше, но секрет не выдал. Бури, ладно! Он хоть не бесхребетный... или как там говорят о растениях? Не бескорный?

— Ты должен меня слушаться. — Лифт засунула руки в карманы и пошла по тропе к городу. — Ты не соблюдаешь правила.

— Я-то соблюдаю, — раздраженно фыркнул Виндль. — Просто вы их не знаете. И к вашему сведению, я садовник, а не солдат, так что не позволю разить мной людей.

Она остановилась.

— Зачем мне разить кого-то тобой?

Он поник так сильно, что чуть не сохся.

Лифт со вздохом двинулась дальше. Виндль не отставал. Выйдя на широкую дорогу, они повернули к башне, служившей воротами в город.

— Значит, сюда мы столько добирались? — заговорил Виндль, когда они проходили мимо запряженной чуллом повозки. — В город, вырезанный в земле?

Лифт кивнула.

— Следовало сказать раньше. Я беспокоился, что во время бури мы окажемся без защиты!

— С чего вдруг? Дождя нет.

Плач неожиданно закончился. Потом снова начался. И снова закончился. Он вел себя совершенно непонятно, скорее как обычная погода, нежели очень долгая, но слабая великая буря, каким обычно бывал.

— Не знаю, но что-то не так, госпожа, — сказал Виндль. — Что-то случилось в мире. Я чувствую. Вы слышали, о чем король аleti написал императору?

— Что надвигается новая буря? — спросила Лифт. — Не с той стороны?

— Именно.

— Олухи посчитали это глупостью.

— Олухи?

— Те, кто трутся возле Гокса, вечно нашептывают ему, как поступать. Они заставляли меня носить халат.

— Азирские визири. Главные чины империи и советники Верховного!

— Ага. Пустомели и нытики. Олухи. Так вот, они считают, что тот злобный типчик...

— ...великий князь Далинар Холин, де-факто король Алеткара, на сегодняшний день самый могущественный военачальник...

— ...все навывдумывал.

— Возможно. Но разве вы ничего не чувствуете? Где-то вдалеке? Что-то зарождается.

— Далекий гром, — прошептала Лифт, посмотрев на запад, мимо города, на горы вдали. — Или... или будто видишь, как роняют котелок, следишь за его падением и готовишься услышать лязг.

— Значит, чувствуете.

— Наверно.

Мимо прокатила очередная повозка, запряженная чуллом. На Лифт никто не обращал внимания, впрочем, как и всегда. И никто, кроме нее, не видел Виндля, потому что она особенная.

— А что говорят твои друзья-пустоносцы?

— Мы не... Лифт, мы спрены, хоть мой вид — спрены культивации — и не самый важный. У нас нет ни собственного королевства, ни даже городов. Нам пришлось связать себя узами с вами из-за того, что зашевелились криптики, спрены чести и все остальные. Мы прыгнули вперед ногами в стеклянное море, но едва понимаем, что творим! Все, кто имел хоть малейшее представление о том, как чего-то добиться, погибли много веков назад!

Они шли за повозкой, та дребезжала и раскачивалась, подпрыгивая на кочках.

— Все неправильно и лишено всякого смысла, — продолжал Виндль. — Считалось, что связать вас узами будет гораздо сложнее. Иногда память меня подводит, но я вспоминаю все больше. Со мной не произошло ужасного потрясения, которое все предрекали. Может, из-за вашей исключительности. Но, госпожа, прислушайтесь ко мне, когда я говорю, что грядет нечто значительное. Не следовало покидать Азир. Там мы были в безопасности. Нам понадобится защита.

— Некогда возвращаться.

— Да, скорее всего. Давайте найдем укрытие хотя бы здесь!

— Ага. Если Мрак не убьет нас раньше.

— Мрак? Неболом, пытавшийся вас казнить?

— Он самый, — проворчала Лифт. — Он в городе. Разве ты не слышал, как я жаловалась, что мне нужен осколочный клинок?

— В городе... то есть, в Йеддо, куда мы направляемся прямо сейчас?

— Ага. У олухов есть люди, которые его отслеживают. Как раз перед тем, как мы сбежали, пришло сообщение о том, что его видели в Йеддо.

— Постойте-ка. — Виндль метнулся вперед, оставив за собой след из лоз и кристаллов, взобрался на задок повозки и изобразил лицо прямо перед Лифт. — Поэтому мы сорвались так внезапно? Поэтому мы здесь? Вы гонитесь за этим чудовищем?

— Конечно нет. Что за глупости.

— Глупости — это, разумеется, не про вас.

— Не-а.

— Тогда зачем мы здесь?

— У них тут есть блинчики со всякими начинками, — ответила Лифт. — Говорят, очень вкусные, и едят их во время Плача. Десять разновидностей. Пальчики оближешь, наверно. Хочу стащить каждого по одному.

— Вы проделали весь этот путь, бросив жизнь в роскоши, чтобы съесть пару блинчиков?

— По-настоящему потрясных блинчиков.

— Несмотря на то, что где-то здесь бродит богоподобный осколочник? Который приложил столько усилий, чтобы казнить вас?

— Он не хотел, чтобы я использовала свои способности, — сказала Лифт. — Его и в других местах видели. Олухи за ним присматривают. Они им очарованы. Все внимание приковано к лысому парню, который коллекционирует головы королей, но этот типчик тоже оставляет трупы по всему Рошару. Людей незначительных, неприметных.

— И мы прибыли сюда, потому что?..

— Это место ничем не хуже любого другого, — пожала плечами Лифт.

Виндль плавно соскользнул с задка повозки.

— Совершенно очевидно, что это место не такое же, как любое другое. Здесь явно хуже...

— А ты точно уверен, что несъедобный? — перебила она. — Было бы очень удобно. У тебя куча лишних лоз. Может, я бы их обгрызла чуток?

— Уверяю, госпожа, я не придуся вам по вкусу.

Лифт что-то буркнула в ответ, ее желудок снова заурчал. Вокруг парили спрены голода — коричневые крупинки с крылышками. Ничего необычного. Их привлекали многие люди из очереди впереди.

— У меня две способности, — сказала Лифт. — Я могу скользить, используя потрясность, и могу заставить что-нибудь вырасти. Значит, и пару растений на еду получится?

— Чтобы их вырастить, почти наверняка понадобится гораздо больше бурсвета, чем удастся из них добыть. Это предопределено законами вселенной. И прежде чем вы спросите, добавлю: даже вы не можете игнорировать эти законы. — На мгновение он задумался. — Скорее всего. С вами никогда не угадаешь.

— Я особенная. — Лифт пристроилась за ожидающими пропуска в город. — А еще голодная. Прямо сейчас больше голодная, чем особенная.

Она выглянула из очереди. В воротах стояли стражники на пару с писцами в странной ташиккской одежде — таких длиннющих кусках ткани, которыми они обматывались с головы до ног. Кусок был цельный, и это действительно непросто — не только обвить по очереди каждую ногу и руку, но и обернуться им несколько раз вокруг пояса, чтобы получилось подобие юбки. Такую одежду носили все мужчины и женщины, кроме стражников.

Пропускать в город явно никого не торопились. Людей скопилось немало: все из народа макабаки, кареглазые и темнокожие, гораздо темнее смуглой Лифт. Среди ожидающих оказалось много семей в обычной азирской одежде: штаны, грязные юбки, некоторые с узорами. Вокруг гудел целый рой спренов истощения и голода.

Она ожидала увидеть по большей части торговцев, но никак не семьи. Кто все эти

люди?

Желудок снова заурчал.

— Госпожа? — позвал Виндль.

— Цыц, — отозвалась Лифт. — Я слишком голодная, чтобы разговаривать.

— Так вы...

— Голодная? Да. Так что заткнись.

— Но...

— Спорим, у стражников есть еда. Их всегда хорошо кормят. Ведь с голодухи они и вломить толком никому не могут, это факт.

— Есть предложение лучше: вы могли бы просто купить немного еды за сферы, которые вам любезно выделил император.

— Не взяла их с собой.

— Не... не взяли деньги?

— Избавилась от них, когда ты отвернулся. Нет денег — никто не ограбит. Носить с собой сферы — нарываться на неприятности. К тому же, — сузив глаза, она наблюдала за стражниками, — столько денег водится только у богатых чудиков. Мы, обычные люди, идем другим путем.

— Значит, теперь вы обычная.

— Ну естественно. Это все остальные ненормальные.

Прежде чем Виндль успел ответить, Лифт нырнула под повозку с чуллом и начала пробираться к голове очереди.

— Талью, говорите? — Хаука заглянула под брезент, прикрывающий подозрительную кучу зерна. — Из Азира?

— Именно. — Сидящий на передке повозки мужчина неловко заерзал. — Я всего лишь скромный фермер.

«Причем без мозолей, — подумала Хаука. — Скромный фермер, который может позволить себе лиафорские ботинки и шелковый пояс».

Хаука потыкала в зерно тупым концом копыя: ни контрабанды, ни спрятавшихся в зерне беженцев. Что ж, это только начало.

— Нужно заверить ваши документы, — сказала она. — Отъедьте немного в сторону.

Мужчина заворчал, но подчинился — развернул повозку и заставил чулла двинуться к площадке у сторожевого поста. Постройка была одной из немногих башен, что возвышались над городом и располагались так, чтобы достать стрелой любого, кто попытается воспользоваться пандусами или закрепиться на позиции для осады.

Фермер направлял чулла очень, очень осторожно — они находились как раз рядом с уступом, нависающим над городом, — над кварталом переселенцев. Этим входом в город пользовались не богатеи, а только те, у кого не было нужных документов. Или те, кто надеялся избежать досмотра.

Хаука развернула бумаги фермера и прошла мимо караулки. Оттуда вкусно пахло: как раз накрыли обед, а следовательно, людям в очереди придется ждать еще дольше. Перед караулкой сидел старый писец — Ниссиккван любил погреться на солнышке.

Хаука поклонилась ему. Сегодня Ниссиккван исполнял обязанности заместителя писца по делам переселенцев. Старик с головы до пят был замотан в желтую шикву, хоть и опустил верхнюю часть, открыв морщинистое лицо с ямочкой на подбородке. Здесь, в родных краях, требование прятать себя от Нан-Рейлиси — врага их бога — было не столь категоричным. Якобы они под защитой Таши.

Сама Хаука носила нагрудник, шапочку, штаны и плащ с узором семьи и школы. Местные хорошо относились к подобным ей азирцам — своими солдатами в Ташикке особо похвастаться не могли, а ее грамоты о достижениях на службе были заверены азимирским визирем. Ей не составило бы труда получить должность в страже в любом месте обширного региона Макабаки, хотя, согласно этим грамотам, она не имела права командовать на поле боя.

— Капитан? — Ниссиккван поправил очки, изучая документы фермера, которые она ему подала. — Он отказывается платить пошину?

— Пошлина уплачена и уже в денежном ящике, — ответила Хаука. — Но этот человек кажется мне подозрительным. Он не фермер.

— Контрабанда беженцев?

— Проверила и в зерне, и под повозкой. — Хаука взглянула через плечо на мужчину. Тот улыбался во весь рот. — Зерно нового урожая. Немного перезрелое, но съедобное.

— Тогда город будет рад его получить.

Ниссиккван был прав. Война между Эмулом и Тукаром разгоралась с новой силой. Конечно, об этом болтали всегда, но за последние годы многое изменилось. Этот король-бог тукарцев... каких только диких слухов о нем не ходило.

— То-то и оно! — воскликнула Хаука. — Ваша милость, держу пари, этот человек побывал в Эмуле. Пока все боеспособные мужчины отражали вторжение, он обчищал их поля.

Согласно кивнув, Ниссиккван задумчиво потер подбородок. Потом порылся в своей папке с бумагами.

— Возьмите с него пошину как с контрабандиста и скупщика краденого. Думаю... да, так будет справедливо. Тройной тариф. Начнется референдум 371-ша, и я направлю деньги с дополнительных пошлин на питание для беженцев.

— Благодарю.

Хаука расслабилась и взяла формуляры. О ташиккцах можно говорить что угодно, но они знали толк в государственных указах.

— У меня есть заряженные сферы, — добавил Ниссиккван. — Знаю, вы спрашивали.

— Правда?!

— Мой двоюродный брат оставил их в сферной клетке снаружи — совершенно случайно, забыл как раз перед той внезапной великой бурей.

— Замечательно, обменяемся чуть позже.

У Хауки были сведения, которыми Ниссиккван точно заинтересуется. В Ташикке информация служила деньгами так же, как и сферы.

Бури, парочка светящихся сфер очень пригодится. После Плача почти ни у кого их не осталось, а это шквально неудобно, когда открытый огонь в городе запрещен. Даже почитать ночью невозможно.

Перелистывая формуляры, Хаука подошла к контрабандисту.

— Вы должны уплатить по этому тарифу. — Она вручила ему первую форму. — И еще по этому.

— Разрешение на сбыт краденого!? — воскликнул мужчина. — И контрабанда? Да это грабеж!

— Да, так и есть. Или было.

— Вы ничего не докажете. — Он шлепнул рукой по стопке формуляров.

— Разумеется. Если бы я могла доказать, что вы незаконно пересекли границу Эмула, обчистили поля честных работяг, пока те защищали страну, а затем провезли награбленное обратно без соответствующих разрешений, я бы просто все конфисковала. — Она слегка наклонилась вперед. — Вы легко отделались. Мы оба это знаем.

Он встретился с ней взглядом, нервно отвел глаза и начал заполнять бумаги. Хорошо. Сегодня без проблем. Ей нравилось, когда никто не доставлял проблем. Когда...

Хаука замерла. Брезент на повозке пошевелился. Нахмурившись, она резко его сдернула и обнаружила маленькую девочку по шею в зерне: светло-коричневая кожа — видимо, решши или гердазийка, — на вид лет одиннадцать-двенадцать. Девочка одарила Хауку ухмылкой.

Ее же только что здесь не было.

— На вкус эта штука просто ужас, — проговорила она на азирском с полным ртом сырого зерна. — Наверно, поэтому мы сначала что-нибудь из него готовим. — Она проглотила зерно. — Есть чем запить?

Контрабандист привстал, брызжа слюной и тыча пальцем:

— Она портит мой товар! Она в нем барахтается! Стража, сделайте что-нибудь! В моем зерне грязная беженка!

Прекрасно. Теперь бумажная волокита превратится в настоящий кошмар.

— Дитя, вылезай-ка оттуда. У тебя есть родители?

— Естественно. — Девочка закатила глаза. — У всех есть родители. Мои, правда, померли. — Она вскинула голову. — Чем это пахнет? Неужели блинчики?..

— Верно, блинчики на День Солнца. — Хаука почувствовала возможность. — Получишь один, если...

— Спасибо!

Девочка выскочила из зерна, расшвыряв его во все стороны. Контрабандист взвыл. Хаука попыталась поймать ее, но девочка каким-то образом вывернулась из хватки и, перескочив через руки стражницы, подпрыгнула вверх.

И приземлилась прямо на плечи Хауки. От неожиданно обрушившегося веса та закричала, а девочка спрыгнула на камни сзади.

Потерявшую равновесие стражницу развернуло на месте.

— Таши, да она прошлась по вашим шквальным плечам! — воскликнул контрабандист.

— Спасибо, что подсказали. Стойте здесь. Не двигайтесь.

Хаука поправила шапочку и бросилась в погоню. Девочка пронеслась мимо Ниссикквана — тот аж выронил свои папки — и юркнула в караулку. Хорошо. Выход оттуда только один. Хаука задержалась в дверях: отставила копье в сторону и достала из-за пояса дубинку. Причинять вред маленькой беженке не хотелось, но слегка припугнуть не помешает.

Скользя по деревянному полу, как по маслу, девочка прошмыгнула прямо под стол, за которым обедали писцы и стражники. Затем резко поднялась и завалила его набок. Все отпрянули прочь, еда посыпалась на пол.

— Извините! — крикнула она. — Я нечаянно.

Ее голова показалась из-за перевернутого стола, изо рта торчал блинчик.

— А они ничего.

Люди Хауки повскакивали на ноги. Стражница ринулась мимо них вокруг стола. Ее пальцы коснулись руки девочки, но та снова вывернулась, оттолкнулась от пола и проскользнула прямо у Реза между ног.

Хаука снова бросилась вперед, загоня беженку в угол.

Та подтянулась и исчезла в единственном узеньком окошке, только ее и видели. У Хауки отвисла челюсть. В такое отверстие явно не мог пролезть человек, даже очень маленький, тем более с такой легкостью. Она прижалась к стене и выглянула наружу, но ничего не увидела. Затем сверху показалась голова девочки — каким-то образом ей удалось забраться на крышу.

Ветер развеивал ее темные волосы.

— Эй, не подскажите с какой начинкой был этот блинчик? Я хочу попробовать все десять.

— А ну-ка, иди сюда. — Хаука протянула руку в надежде достать беглянку. — Тебя не оформили как переселенца.

Голова девочки исчезла, на крыше послышались шаги. Хаука выругалась и в сопровождении двух стражников выбежала наружу. Они осмотрели крышу маленькой караулки, но никого не обнаружили.

— Она здесь! — раздался изнутри вопль одного из писцов.

Мгновение спустя девочка выскользнула на улицу: в каждой руке по блинчику, еще один во рту. Миновав стражников, она бросилась к повозке контрабандиста. Тот уже слез на

землю и теперь распинался об испорченном зерне.

Хаука прыгнула и на этот раз схватила ребенка за ногу. К несчастью, оба стражника тоже кинулись за девочкой, но споткнулись и устроили кучу малу, упав прямо на Хауку.

И все же пальцы она не разжала. Натужно пыхтя под весом стражников, Хаука крепко держалась за ногу девочки. Едва сдерживая стон, она подняла взгляд.

Беженка сидела на камне, склонив голову набок. Она засунула один блинчик в рот и потянулась рукой за спину — к сцепке, с помощью которой упряжь чулла крепилась к повозке. Легкий удар по крючку снизу — и сцепка разжалась. Без малейшего сопротивления.

Бури, только не это!

— Слезьте с меня! — закричала Хаука, отпустив девочку и расталкивая мужчин. Тупица-контрабандист в растерянности попятился.

Повозка катилась к уступу, и вряд ли деревянная изгородь удержит ее от падения. Хаука что есть сил прыгнула и ухватилась за борт повозки. Стражницу потащило к обрыву, перед глазами пронеслось, как она падает на город, прямо на беженцев из квартала переселенцев.

Тем временем повозка медленно остановилась. Тяжело дыша, упираясь ногами в камни и вцепившись в борт, Хаука подняла взгляд. Отпустить повозку она не решалась.

Девочка снова стояла на куче зерна, доедая последний блинчик.

— И правда хороши, — отметила она.

— Так-блинчик, — подала голос измотанная Хаука. — Их едят для процветания в будущем году.

— Значит, их должны есть постоянно, разве нет?

— Наверное.

Кивнув, девочка сдвинулась вбок и ногой откинула задний борт. Зерно поспешило выскользнуть из повозки.

Ничего невероятнее Хаука в жизни не видела. Куча зерна будто превратилась в жидкость и выливалась из повозки, несмотря на совсем небольшой уклон. Вытекая, оно... мягко светилось и дождем падало на город.

Девочка улыбнулась Хауке.

И прыгнула вслед за зерном.

Разинув рот от изумления, стражница проводила девочку взглядом. Двое других стражников наконец очухались и поспешили на помощь, схватившись за повозку. Контрабандист вопил не переставая. На земле вокруг него, точно лужи крови, пузырились спрены гнева.

Зерно, долетая до квартала переселенцев, выбивало на земле облачка пыли. Было достаточно далеко, но Хаука не сомневалась, что слышит крики радости и молитвы осыпанных едой людей.

Убедившись, что повозка больше не двинется с места, Хаука подошла к обрыву. Девочки нигде не было видно. Бури, может, она какой-то спрен? Хаука еще раз поискала глазами, но ничего не заметила, только странную черную пыль у ног. Ветер уносил ее прочь.

— Капитан? — позвал Рез.

— Займись переселенцами, Рез. Мне нужно отдохнуть часок.

Бури, как ей изложить все это в отчете?

По идее, Лифт не могла коснуться Виндля. Пустоносец все время повторял, что, мол, «я в недостаточной степени присутствую в этой сфере, даже несмотря на узы между нами» или «должно быть, вы частично застряли в сфере Разума». В общем, всякую ерунду.

Потому что она все-таки могла его коснуться. Временами это было весьма полезно. Например, если прыгаешь с обрыва и нужно за что-то ухватиться. Виндль вскрикнул от удивления, когда Лифт сиганула вниз, и стрелой метнулся по скале — быстрее, чем она падала. Все-таки он учился быть начеку.

Лифт сжала его как веревку, вполсилы, чтобы лоза скользила между пальцев. Не лучший вариант, но это помогало замедлить падение. Для большинства людей такой удар о землю закончился бы печально, но к счастью, Лифт была потрясной.

Она погасила свечение потрясности и юркнула в узкий переулок. Позади собралась толпа, вознося молитвы Вестникам и богам за ниспосланный в виде зерна дар. Что ж, пусть называют это как хотят, но все они прекрасно понимали, что боги зерно не посылают, по крайней мере, лично, потому как расхватили его быстрее, чем смазливых шлюх в Бавии.

За считанные минуты от целой повозки зерна осталась лишь горстка шелухи, которую тут же унес ветер. Лифт уселась у входа в переулок, изучая обстановку. Словно из полудня свалилась прямо в сумерки: вокруг длинные тени, пахнет сыростью.

Дома здесь вырезали прямо в скале: дверные проемы, окна и все остальное. Стены окрашивали яркими красками, часто вертикальными полосами, условно отделяя один «дом» от другого. Горожане сновали туда-сюда, болтали, топтались на месте и покашливали.

Неплохо им жилось. Лифт нравилось быть в постоянном движении, но одиночества она не переносила. Одно дело уединение, и совсем другое — одиночество. Она поднялась и зашагала по улице, сунув руки в карманы и пытаясь смотреть во все стороны одновременно. Удивительное место.

— Это было весьма благородно с вашей стороны, госпожа, — заговорил выющийся рядом Виндль. — Я имею в виду, вывалить зерно, услышав, что оно принадлежит вору.

— Еще чего! — отмахнулась Лифт. — Мне просто нужна была мягкая подстилка для приземления, если бы ты зазевался.

Мимо проходили люди в самых разнообразных одеяниях, в основном с азирскими узорами или в ташиккских шиквах. Попадались и наемники, наверное, тукарцы или эмули. Некоторые носили сельскую одежду светлых тонов — скорее всего, из Альма или Деша. Ей нравились те места. В Альме и Деше мало кто пытался ее убить.

К сожалению, стащить здесь было особо нечего, разве что ты любитель каши и странного мяса, которое здесь добавляли чуть ли не во все блюда. Это было мясо каких-то уродливых зверюг, покрытых грязной шерстью и живущих на склонах гор. Лифт они казались отвратительными на вкус, а она, между прочим, однажды попробовала на зуб черепицу с крыши.

Однако на этой улице попадалось гораздо больше чужестранцев, чем ташиккцев. Как там наверху называли это место? Квартал переселенцев? Ну, она хотя бы не будет выделяться из толпы. Лифт заметила даже нескольких решки, пусть они и жались по лачугам в переулке, а их одежда мало отличалась от обычного тряпья.

Н-да, странновато здесь — из-за лачуг. Она не видала их с тех пор, как покинула

Зофикс, в котором так обустроивали заброшенные шахты. Почти везде, если выстроить дом из столь ненадежного материала, его снесет первая же великая буря, и жильцы останутся с голым задом посреди улицы.

Лачуги теснились рядами, и узкие проходы между ними словно спицами соединяли эту улицу с параллельной. Многие проходы оказались так забиты развешенными одеялами, людьми и импровизированными жилищами, что не было видно, что творится на противоположной стороне.

Как ни странно, все постройки стояли на сваях. Даже самые ветхие сооружения возвышались не меньше чем на четыре фута над землей. Лифт остановилась у входа в один из переулков, руки в карманах, и стала рассматривать улочку пошире. Как она уже заметила, в каждой городской стене располагались лавки и дома. Разноцветная окраска разграничивала владения соседей. Чтобы попасть в любое помещение, нужно было подняться на три-четыре ступеньки, вырезанные в камне.

— Прямо как на Чистозере, — отметила она. — Задрали все повыше, будто никто не хочет касаться земли. Якобы потом всяких напастей не оберешься.

— Мудро, — произнес Виндль. — Защита на случай бурь.

— Все равно тут смоем все начисто.

Разумеется, это было не так, иначе город бы давно исчез. Лифт пошла дальше, мимо рядов вырезанных в стене домов и распластавшихся между ними лачуг. Лачуги выглядели заманчиво — теплые, уютные, полные жизни. Она даже заметила мерцающие зеленые пылинки спренов жизни, хотя обычно их можно встретить только там, где много растений. К сожалению, как она убедилась на собственном опыте, чаще всего, каким бы заманчивым ни выглядело место, чужестранке-беспризорнице там не рады.

— Итак, мы здесь, и вы, как ни странно, избежали заключения под стражу. — Виндль забрался на стену на уровне ее головы, оставляя за собой след из лоз. — Что дальше?

— Еда. — Желудок у Лифт урчал.

— Вы ведь только что поели!

— Ага. Голод побери, всю силу потратила, пока убегала от стражников. Теперь я голоднее, чем раньше!

— О Матьерь Всемилостивая! — раздраженно воскликнул Виндль. — Почему нельзя было просто подождать в очереди?

— Тогда бы мне вообще никакой еды не досталось.

— Какая разница, если вы пережгли ее в бурсвет, а потом прыгнули с обрыва!

— Зато удалось попробовать блинчики!

Они обошли группу ташиккиек с корзинами в руках. Женщины без умолку болтали о лиафорских безделушках ручной работы. Когда Лифт проходила мимо, две женщины непроизвольно прикрыли корзины и крепче сжали ручки.

— Поверить не могу, — запричитал Виндль. — Поверить не могу, что влачу столь жалкое существование! Я был садовником. Уважаемым садовником! А сейчас, куда ни сунься, на нас смотрят как на карманных воришек.

— В карманах у них пусто. — Лифт оглянулась через плечо. — Если на шиквах вообще есть карманы. А вот в корзинах...

— Знаете, а мы ведь раздумывали, не связать ли узами того чудесного башмачника вместо вас. Очень добрый человек, заботился о детях. Я мог бы жить спокойной жизнью, помогать ему делать обувь. Давно бы уже открыл выставку башмаков!

— А как же насчет угрозы с запада? — спросила Лифт. — Может, там и правда война?

— Обувь важна для войны. — Виндль сплюнул на стену пучком побегов — она понятия не имела, что это значит. — Думаете, Сияющие будут сражаться босиком? Мы бы могли делать для них обувь, этот милый старый башмачник и я, прекрасную обувь.

— Скукотища.

Виндль закричал.

— Вы собираетесь разить мною людей, верно? Я стану оружием.

— Что за чушь ты несешь, пустоносец?

— Полагаю, я должен помочь вам произнести Слова? В этом моя обязанность? О, как же это печально.

Он часто говорил подобное. Наверное, у пустоносцев мозги набекрень, поэтому она не держала на него зла. Лифт пошарила в кармане, вытащила маленькую книжицу и принялась ее листать.

— Что это? — спросил Виндль.

— Стащила из караулки. Подумала, можно ее продать или еще чего придумать.

— Дайте-ка взглянуть.

Виндль сполз со стены, поднялся по ногам Лифт и, закручиваясь вокруг ее тела, наконец по руке добрался до книги. Довольно щекотно, когда его основная лоза выпускает тоненькие побеги, и те прилипают к коже, чтобы закрепиться.

На странице он выпустил лозы поменьше, полностью обрастив ими книгу и проникнув между страниц.

— Хм-м-м...

Пока он работал, Лифт ждала, прислонившись спиной к стене расселины. Совсем не чувствовалось, что находишься в городе, скорее в... тоннеле, ведущем в город. Да, над головой открытое ясное небо, но улица кажется довольно обособленной. Обычно в городе видны высокие силуэты зданий вдалеке, слышны крики с ближайших улиц.

Улица, забитая под завязку людьми, которых здесь более чем достаточно, все равно казалась обособленной. Рядом по стене полз странноватый маленький кремлец: меньше по размеру, чем большинство собратьев, черного цвета, с тонким панцирем и коричневой ворсистой полоской на спинке, похожей на губку. Кремлецы в Ташикке необычные, и чем дальше на запад, тем необычнее. Ближе к горам некоторые кремлецы даже могли летать.

— Хм-м, госпожа, — произнес Виндль. — Скорее всего, эта книга бесполезная. Просто журнал с записями о времени заступления стражи на дежурство. Например, капитан отмечает, что каждый день ровно в десять по настенным часам ее сменяет капитан ночной стражи. Раз в неделю она посещает Верховную Дирекцию для подробного доклада о происшествиях за неделю. Она дотошная, но сомневаюсь, что кого-то заинтересует покупка ее журнала.

— По-любому кого-нибудь заинтересует. Это же книга!

— Лифт, ценность книги обуславливается ее содержанием.

— Знаю, страницами.

— Я имею в виду, тем, что на страницах.

— Чернилами?

— Я имею в виду тем, о чем могут поведать чернила.

Она почесала затылок.

— Стоило бы вам все-таки слушать наставников по письму в Азире, — пожаловался

Виндль.

— Значит... на еду это не обменять? — Ее желудок урчал, привлекая все больше спренов голода.

— Вряд ли.

Дурацкая книга. И люди дурацкие. Побурчав, она швырнула книгу через плечо.

Как назло, та угодила в женщину с корзиной пряжи в руках. Послышался визг.

— Эй, ты!

Лифт вздрогнула. Мужчина в форме стражника указывал на нее пальцем сквозь толпу.

— Ты только что напала на эту женщину? — прокричал стражник.

— Ну прям! — прокричала в ответ Лифт.

Стражник начал пробираться к ней.

— Бежим? — спросил Виндль.

— Бежим.

Лифт нырнула в переулок, отчего стражник заорал еще сильнее и бросился в погоню.

Спустя примерно полчаса Лифт лежала на брезенте, натянутом поверху одной из лачуг, и отдувалась после продолжительного забега. Стражник оказался настойчивым.

По забитому лачугами переулку гулял ветер, и под его порывами Лифт беззаботно покачивалась на своей лежанке. Внизу семья — мать, трое сыновей и отец — обсуждала, как на трущобы чудесным и неожиданным образом высыпалась целая повозка зерна.

«Я буду помнить о тех, кого забыли». Она произнесла эту клятву, когда спасла жизнь Гоксу. Правильные слова. Важные слова. Но что за ними стоит? А как же ее мать? Никто ведь ее не помнит.

Слишком много забытых людей. Слишком много для одной девочки.

— Лифт? — Виндль скрутился в маленькую башенку из лоз и трепещущих на ветру листьев. — Почему вы ни разу не побывали на Решийских островах? Ведь вы оттуда родом?

— Матерь спросила о том же.

— Так почему бы не наведаться туда? Вас послушать, вы обошли пол-Рошара, но ни разу не заглянули на свою предполагаемую родину.

Пожав плечами, она перевела взгляд на послеполуденное небо, подставила лицо ветру. По сравнению с душком в расселинах он казался свежим. Город нельзя было назвать зловонным, но запахи наполняли его, словно сбившиеся в загоне животные.

— Знаешь, почему нам пришлось покинуть Азир? — тихо спросила Лифт.

— Мы погнались за тем неболомом, которого вы зовете Мрак.

— Нет. Не в этом дело.

— Разумеется.

— Мы ушли, потому что меня стали узнавать. Если слишком долго жить в одном месте, тебя начинают узнавать. Лавочки запоминают твоё имя. Приветливо улыбаются, когда заходишь, и заранее знают, какой товар предложить, — помнят, что тебе нужно.

— Разве это плохо?

Она кивнула, по-прежнему глядя в небо.

— Ещё хуже, когда тебя считают своим другом. Гокс, визири — они торопятся с выводами. Думают, что знают тебя, ожидают определенного поведения. И вот тебе приходится быть не тем, кто ты на самом деле, а тем, кого они себе выдумали.

— И кто же вы на самом деле, Лифт?

В этом и проблема. Когда-то она знала ответ. Или просто была слишком юна, чтобы беспокоиться по таким вопросам?

Откуда это узнавали остальные? Ветер качнул лежанку, и Лифт свернулась в клубочек, вспомнив объятия матери, ее запах, теплый голос.

Урчащий желудок напомнил о себе спазмами. Насущные потребности взяли верх над грезами о прошлом. Она глубоко вздохнула и встала.

— Ладно, давай-ка поищем каких-нибудь беспризорников.

— Жратвы отсыпает, — сказала маленькая чумазая девочка.

Ручонки она не мыла, вероятно, с тех пор, как стала достаточно взрослой, чтобы ковыряться в носу. Многих зубов у нее не хватало. Слишком многих для такого возраста.

— Жратва у этой бабы годная, — добавила она.

— Мелюзге отсыпает?

— Ага. — Девочка кивнула в знак согласия. — Но может и люлей отсыпать. Упертая, как каменюка, и глаза у нее, как колючки. Мелюзгу не любит, но жратву не жмет. Долбанутая.

— Может, для чужаков мутит? — спросила Лифт. — Чужаки дают светилки, если она жратву мелюзге отсыпает?

— Может, и так. А может, и просто долбанутая. Непонятно, чего ждать. Отвечаю, вообще мутная.

— Спасибо. Держи. — Лифт отдала девочке свой платок, как и обещала, в обмен на информацию.

Та обернула его вокруг головы и одарила Лифт щербатой ухмылкой. В Ташикке любили торговать информацией — тут без этого никуда.

Чумазая девочка выдержала паузу.

— Та светилка вверху, жратва с неба. Я слышала, как об этом трепались. Это ты что ли, чужачка?

— Ага.

Девочка повернулась, чтобы уйти, но передумала и взяла Лифт за руку.

— Так ты чужачка? — спросила она.

— Ага.

— Слушаешь?

— Слушаю.

— Люди никогда не слушают. — Она снова улыбнулась Лифт и наконец поспешила прочь.

Лифт устроилась на корточках в переулке напротив общественных печей: в стене была вырезана просторная пещера, а в ее своде — огромные дымоходы. Здесь жгли скорлупу камнепочек с ферм, и любой желающий мог приготовить пищу в центральных очагах. В собственных жилищах нельзя было разводить открытый огонь. Лифт слышала, что когда-то давно по трущобам прокатился пожар и погибло множество людей.

На улицах не было видно, как курится дымок, лишь случайные проблески светосфер. Продолжался Плач, а значит, большинство сфер потускнело. При свете будут сидеть только те счастливики, что во время непредвиденной великой бури пару дней назад оставили сферы снаружи.

— Госпожа, — подал голос Виндль, — это была самая странная беседа, которую я когда-либо слышал, а я однажды вырастил целый сад для одного спрена остроумия.

— По-моему, ничего необычного. Просто ребенок с улицы.

— Но выражения какие! — воскликнул Виндль.

— Какие?

— Все эти странные словечки. Откуда вы знали, что говорить?

— По наитию. Слова как слова. Не важно, главное, она сказала, что мы можем добыть еды в приюте «Свет Таши». О нем говорили и другие.

— Так почему мы не пошли туда? — спросил Виндль.

— Женщину, которая там всем заправляет, не любят. Ей не доверяют, говорят, она противная. А еду раздает, потому что хочет выглядеть добренькой перед чиновниками, которые присматривают за тем местом.

— Говоря вашими же словами, госпожа, еда есть еда.

— Да. Просто... какая радость от обеда, который сам приплыл тебе в руки?

— Уверен, вы переживете подобное унижение, госпожа.

К сожалению, он прав. Лифт была слишком голодной, чтобы сотворить хоть немного потрясности, и потому ничем не отличалась от обычного ребенка-попрошайки. Но она все равно не двигалась с места. Пока что.

«Люди никогда не слушают». А Лифт слушает? Обычно слушает, разве нет? И вообще, какое дело этой маленькой беспризорнице?

Сунув руки в карманы, Лифт начала пробираться по запруженной толпой улице, уворачиваясь от случайных рук, так и норовящих хлопнуть или стукнуть. Здесь странно поступали с деньгами — нанизывали сферы на длинные нитки, даже если держали их в кошелях. И во всех сферах, которые она видела, для этого были просверлены отверстия. А если нужно отсчитать точную сумму? Придется снимать всю связку, а потом нанизывать обратно?

По крайней мере, сферами пользовались. Дальше к западу пускали в ход обычные обломки самосветов, иногда заключенные в стекло. Голод побери, как же легко они терялись.

Когда она теряла сферы, все просто съезжали с катушек. Непонятное отношение к деньгам. Все слишком беспокоились о том, чего нельзя съесть, хотя, насколько понимала Лифт, именно в этом и заключался смысл использовать сферы, а не что-нибудь полезное, например, мешки с едой. Если обмениваться одной едой, все просто съедят свои деньги, и куда тогда скатится общество?

Приютом «Свет Таши» оказалось угловое здание на перекрестке. Фасад, выкрашенный в ярко-оранжевый цвет, выходил на оживленную улицу квартала переселенцев, другая сторона — к широкому переулку. В каменных стенах переулка располагались ряды сидений — полукругом, словно в театре, правда, с разрывом в центре, чтобы можно было пройти дальше. Переулок тянулся довольно далеко, но выглядел не столь запущенным, как многие другие. У некоторых лачуг даже имелись двери, а доносившиеся звуки отрывки казались едва ли не изысканными.

Уличные мальчишки предупреждали, чтобы она не совалась через главный вход. Тот предназначался для чиновников и состоятельных горожан. Оборванцам полагалось заходить со стороны переулка, поэтому Лифт миновала каменные скамьи маленького амфитеатра — там сидело несколько стариков в шиквах — и постучала в дверь. В камне над входом виднелись буквы, выкрашенные в золотой и красный цвета, но прочитать их она не могла.

Дверь открыл юноша с широким плоским лицом, какое бывает, по наблюдениям Лифт, у родившихся не такими, как все. Он окинул ее взглядом и указал на скамьи.

— Сядь там. Еда будет позже.

— Насколько позже? — спросила Лифт, уперев руки в бока.

— А что? Опаздываешь на деловую встречу? — Юноша улыбнулся. — Сядь там. Еда

будет позже.

Она вздохнула, но уселась возле болтающих стариков. Такое впечатление, что жители еще более убогих трущоб пришли сюда, на открытое пространство у входа в переулок, чтобы спокойно посидеть и подышать свежим воздухом.

Солнце клонилось к закату, расселины все глубже погружались в тень. Неоткуда взять сферы, чтобы освещать дома ночью. Скорее всего, горожане лягут спать раньше обычного, как это часто бывало во время Плача. Лифт сжалась на скамье, Виндль свернулся рядом. Она устала на дурацкую дверь дурацкого приюта. Дурацкий желудок урчал.

— Что с юношей, который открыл дверь? — спросил Виндль.

— Откуда я знаю? — ответила Лифт. — Некоторые просто рождаются такими.

Она ждала на ступенях, прислушиваясь к болтовне и хихиканью ташиккцев из трущоб. Немного позже в переулок прокралась какая-то фигура — похоже, женщина, вся закутанная в темную ткань. Настоящие шиквы так не оборачивали. Может, чужестранка пытается скрыть, кто она на самом деле.

Женщина громко всхлипывала, держа за руку крупного ребенка лет десяти-одиннадцати. Она подвела его ко входу в приют и крепко сжала в объятиях.

Мальчик слепо таращился перед собой, пуская слюни. На его затылке виднелся шрам, почти заживший, но все еще красный и воспаленный.

Женщина опустила голову, ссутулилась и скользнула прочь, бросив мальчика. Он так и сидел, уставившись в пустоту. Не младенец в корзинке — это только в детских сказках бывает. По опыту Лифт, в приютах все по-другому: оставляют детей слишком больших, чтобы с ними нянчиться, не способных заботиться о себе и помогать семье.

— Неужели она... просто бросила мальчика? — ужаснулся Виндль.

— Наверняка у нее есть другие дети, которых трудно прокормить, — тихо ответила Лифт. — Она больше не может уделять все свое время одному вот такому. — У нее сжалось сердце. Она хотела отвернуться, но не получалось.

Лифт поднялась и направилась к мальчику. Богатеи наподобие азирских визирей представляли себе приюты очень странно — воображали их полными безгрешных малюток, отважных и добросердечных, так и ждущих возможности поработать и обрести семью.

Лифт знала, что в приютах обитали в основном такие, как этот мальчик. Дети, за которыми тяжело ухаживать. Дети, которые нуждались в постоянном присмотре. Или слабые на голову. Или те, кто мог выйти из-под контроля.

Она ненавидела эти романтические мечты богатеев про приюты — идеальные, полные милых улыбок и радостных песен, а не разочарования, боли и смятения.

Лифт присела рядом с мальчиком. Она была меньше него.

— Привет.

Он уставился на нее бессмысленным взглядом. Теперь можно было лучше рассмотреть его рану. Волосы там не росли.

— Все будет хорошо, — попыталась подбодрить его Лифт, взяв за руку.

Он не отозвался.

Немного погодя дверь в приют открылась, явив на пороге скрюченную женщину-корягу. Без шуток. Она выглядела как помесь метлы и решительно настроенного пучка мха. Кожа висела на костях, словно женщина подхватила в трущобах какую-то венерическую болячку. Лифт подумала, что ее длинные тонкие пальцы похожи на пруттики, приклеенные вместо отвалившихся настоящих.

Женщина уперла руки в бока — удивительно, что при этом она не сломала ни одной кости, — и посмотрела на детей.

— Идиоты и дармоеды.

— Эй! — Лифт вскочила на ноги. — Он не идиот. Просто ранен.

— Я говорила о тебе, дитя.

Женщина опустила на колени рядом с мальчиком, поцокала языком и пробормотала:

— Ни на что не годен. Я вижу тебя насквозь. Долго ты здесь не протянешь. Вот увидишь.

Она сделала знак, и вышел юноша, которого Лифт видела ранее. Он взял мальчика под руку и повел внутрь.

Лифт хотела последовать за ними, но путь перегородили руки-крюки.

— Можешь поесть здесь трижды, — сказала женщина. — В любое время, но только трижды. Считаю, тебе повезло, что я раздобрилась ради такой, как ты.

— Это еще что значит? — потребовала ответа Лифт.

— Это значит, что, если не хочешь крыс на корабле, не стоит их подкармливать.

Женщина покачала головой и собралась захлопнуть дверь.

— Постойте! — воскликнула Лифт. — Мне нужно где-то переночевать.

— Ты пришла по адресу.

— Правда?

— Да, с приходом темноты эти скамьи обычно пустеют.

— Каменные скамейки? Вы хотите, чтобы я спала на каменных скамейках?

— О, не ной. Даже дождя нет. — Дверь захлопнулась.

Лифт со вздохом посмотрела на Виндля. Спустя мгновение все тот же юноша вновь отворил дверь и швырнул Лифт большую булку — из клемы, плотную и зернистую, с пряной начинкой.

— Блинчиков у вас, наверно, нет? — спросила Лифт. — Я тут решила попробовать...

Дверь снова захлопнулась. Вздохнув, Лифт уселась на каменную скамью рядом со стариками и начала уплетать за обе щеки. Булка была не очень вкусной, но теплой и сытной.

— Шквальная ведьма, — пробурчала Лифт.

— Не суди ее слишком строго, дитя, — произнес один из стариков. Верхняя часть его черной шиквы, что обычно скрывала лицо, была откинута назад, выставляя на всеобщее обозрение седые усы, брови, темно-коричневую кожу и широкую улыбку. — Тяжело быть человеком, который решает чужие проблемы.

— Необязательно быть такой противной.

— Иначе местная детвора собиралась бы здесь и кланчила бесплатную еду.

— И? Разве не для этого создаются приюты? — Лифт откусила кусок булки. — Спать на каменных скамьях? Нужно пойти стащить у нее подушку.

— Думаю, она знает, как сладить с обидчивыми уличными воришками.

— Просто со мной еще дела не имела. Я потрясная.

Лифт посмотрела на остатки булки. Если применить потрясность, она снова останется голодной.

Старик рассмеялся.

— Ее называют Карга, потому что у нее такой характер, что и буря стороной обходит. Вряд ли у тебя выйдет лучше, малышка. — Он наклонился ближе. — Но у меня есть информация на продажу, если интересно.

Ох уж эти ташиккцы со своими секретами. Лифт закатила глаза.

— Мне нечего предложить взамен.

— В таком случае предложи свое время. Я расскажу тебе, как задобрить Каргу. Может, удастся выторговать постель. Ты, в свою очередь, ответишь на один вопрос. По рукам?

Лифт вздернула бровь.

— Конечно. Выкладывай.

— Вот тебе секрет. У Карги есть небольшое... увлечение. Скажем так, она приторговывает сферами. Найди того, кто согласится иметь с ней дело, и получишь приличную награду.

— Торговля сферами? — спросила Лифт. — Деньги на деньги? Какой в этом смысл?

Старик пожал плечами.

— Она из кожи вон лезет, чтобы никто ничего не пронюхал. Так что, наверное, это важно.

— Какой-то бестолковый секрет. — Лифт закинула остатки булки в рот. Булка из клемы легко разваливалась и вообще больше походила на кашу.

— Теперь ты ответишь на мой вопрос?

— Если только он не такой же бестолковый.

— Какой частью тела ты себя ощущаешь? — поинтересовался старик. — Ты рука, вечно занятая работой? Мозг, раздающий указания? Или, может, ты больше похожа на ногу? Тащишь на себе всех остальных, но едва достаиваешься внимания.

— Да уж. Бестолковее некуда.

— Нет, нет, это крайне важно. Каждый человек — часть чего-то большего, некоего великого организма, которым является этот город. Видишь ли, это философское течение, над которым я работаю.

Лифт вперилась в него взглядом. Ну замечательно. В приюте заправляет злобная метелка, а снаружи поджидает ненормальный старикан. Она отряхнула руки.

— Если уж выбирать, то я нос. Типа внутри у меня куча разных козявок, и никогда не знаешь, какая вывалится.

— О... интересно.

— Вряд ли это чем-то поможет.

— Да, но ответ честный, что является краеугольным камнем хорошей философии.

— Ага, как скажешь. — Лифт прыгнула с каменной скамьи. — С тобой, конечно, весело болтать о всякой ерунде, но у меня есть дела поважнее.

— Дела? — переспросил Виндль, приподнявшись.

— В точку. У меня назначена деловая встреча.

Лифт боялась опоздать. Со временем у нее всегда были проблемы.

Нет, самое важное она, конечно, помнила: восход солнца, заход солнца, бла-бла-бла. Однако все остальные условности... ну, они никогда не казались ей особо важными, чего нельзя было сказать о других людях. Она прибавила шаг.

— Собираетесь найти сферы для женщины из приюта? — Виндль метался зигзагами между ног прохожих. — Хотите ее задобрить?

— Еще чего. — Лифт презрительно фыркнула. — Она мошенничает.

— Разве?

— Ну естественно. Скорее всего, отмывает сферы бандюганов — принимает их как «пожертвования», а потом отдает обратно. За отмывание сфер неплохо платят, особенно в таком месте, как это, где писаки, голод побери, заглядывают тебе через плечо на каждом шагу. Может, дело и не в этом. Может, она вынуждает людей делать жертвования заряженными сферами в обмен на ее тусклые. Ей сочувствуют, ведь она прикрывается бедными детишками. Потом можно толкнуть заряженные сферы у менял и немного навариться.

— Это ужасно бессовестно, госпожа!

Лифт пожала плечами.

— А что еще делать с приютами? Хоть для чего-то сгодились.

— Но наживаться на человеческих чувствах?

— Жалость — мощный инструмент. Заставил человека что-то почувствовать — считай, подмял под себя.

— Правда?..

— Надо позаботиться, чтобы со мной такого не случилось. Иначе стану слабой.

Лифт вернулась к тому месту, где попала в расселины, и побродила вокруг, пока не обнаружила пандус ко входу в город — длинный и пологий, чтобы при случае могла проехать повозка.

Она кралась вверх, пока в поле зрения не попала караулка. Очередь не только никуда не делась, но стала еще длиннее. Многие обустроивались на ночлег прямо на камнях. Несколько предприимчивых торговцев продавали еду, чистую воду и даже палатки.

«Удачи», — подумала Лифт.

Большинство ожидающих выглядели так, будто из пожитков имели только собственную шкуру да, может, пару экзотических болячек. Лифт спустилась обратно. У нее маловато потрясности для еще одного столкновения со стражниками. Она примостилась в небольшой трещине в скале у подножия пандуса. Мимо прошел торговец одеялами, ведя необычную лошадку — белую и косматую, с рогами на голове. Она походила на тех животных с запада, ужасных на вкус.

— Госпожа, — Виндль устроился на каменной стене напротив ее головы, — о людях я знаю немного, зато хорошо разбираюсь в растениях. Вы удивительно схожи. Вам нужен свет, вода и питание. У растений есть корни. Ну знаете, чтобы держаться во время бурь. Иначе унесет.

— Иногда приятно унести прочь.

— А если надвигается сильная буря?

Взгляд Лифт устремился на запад. На... что бы там ни назревало. Буря, которая несется не в ту сторону, как сказали визири. Это невозможно. Что за игры затеяли аleti?

Спустя пару минут по пандусу сошла капитан стражи. Женщина еле передвигала ноги и, как только сторожевой пост скрылся из виду, поникла плечами. Наверно, тяжелый день выдался. С чего бы вдруг?

Лифт сжалась, но женщина и бровью не повела в ее сторону. Когда она прошла мимо, Лифт выбралась из трещины и поспешила следом.

Слежка в городе затруднений не вызывала. Здесь было не так много укромных уголков и обходных путей. Как и предполагала Лифт, с приходом темноты улицы опустели. Может, все еще зашевелятся, когда первая луна взойдет достаточно высоко, но пока слишком мало света.

— Госпожа, что мы делаем? — спросил Виндль.

— Просто хочу посмотреть, где живет эта женщина.

— Но зачем?

Как и следовало ожидать, капитан жила недалеко от сторожевого поста — всего в нескольких улицах, уже за пределами квартала переселенцев, но довольно близко от него, поэтому и жилье там стоило сравнительно недорого. Большой комплекс вырезанных в скале комнат, по одному окну на каждую, был скорее многоквартирным домом, нежели одиночным «зданием». Вид он имел весьма необычный: отвесная скала, испещренная множеством ставень.

Капитан вошла внутрь, но Лифт за ней не последовала, а задрала голову. В конце концов из одного окна, у самого верха, заструился свет, и капитан отворила ставни, чтобы впустить свежий воздух.

— Так. — Лифт прищурилась в темноте. — Давай-ка взберемся на эту стену, пустоносец.

— Госпожа, меня можно звать по имени.

— Я могла бы обозвать тебя любой фигней. Скажи спасибо, что у меня плохое воображение. Вперед.

Виндль тяжело вздохнул, но взвился по стене. Лифт карабкалась, используя лозы как опоры для рук и ног. Ее путь лежал мимо множества окон, но лишь в нескольких виднелся свет. Между парой окон была услужливо натянута бельевая веревка, с которой Лифт умыкнула шикву. Как мило с их стороны оставить ее снаружи, причем на такой высоте, что больше и дотянуться некому.

Лифт не остановилась у окна капитана, чем немало удивила Виндля, а забралась на самый верх, на поле треба. Местные фермеры высаживали этот злак в маленькие трещины в камне, шириной не больше фута. Лозы собирались в пучки и отращивали твердые стручки, которые как распорка удерживали растения во время бурь.

Фермеры закончили трудовой день, оставив груды сорняков на поживу следующей буре, когда бы та ни пришла. Лифт устроилась у обрыва, обозревая город. Темноту пронизывали огоньки светосфер. Немного, но больше, чем она ожидала. Свет поднимался из расселин, будто вырываясь из трещин в каком-то ядре с яркой сердцевиной. Интересно, как это выглядит, когда заряженных сфер больше? Она представила себе столпы света, бьющего из разломов.

Тем временем капитан затворила ставни и, должно быть, прикрыла сферы. Лифт зевнула.

— Тебе ведь не нужен сон, пустоносец?

— Нет, не нужен.

— Тогда следи за домом. Разбудишь, если кто-то войдет или капитан выйдет.

— Может, вы наконец объясните, зачем мы следим за капитаном городской стражи?

— А чем еще заняться?

— Чем-нибудь другим?

— Скуотища. — Лифт снова зевнула. — Разбудишь, ладно?

Виндль что-то ответил, скорее всего, пожаловался, но сознание уже уплывало вдаль.

Лифт показалось, что он растолкал ее спустя лишь мгновение.

— Госпожа? Госпожа, я пребываю в восторге от вашей сообразительности и глупости одновременно.

Лифт зевнула, кутаясь в краденую шикву словно в одеяло, и прогнала парочку мельтешащих спренов жизни. К счастью, обошлось без снов. Она ненавидела сны. В них показывалась жизнь, которой у нее не могло быть, или жизнь, от которой пробирал ужас. Никакого толку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Госпожа? — позвал Виндль.

Она встряхнулась, села. При выборе места она не подумала, что все здесь заросло лозами, и теперь они застряли у нее в одежде. Так зачем она сюда забралась? Лифт пробежалась рукой по спутанным, торчащим во все стороны волосам.

Над горизонтом показалось солнце, фермеры уже работали на полях. Как только она приподнялась над гнездом из лоз, несколько человек оглянулись и окинули ее озадаченными взглядами. Не часто встретишь маленькую девочку реши, спящую у отвесного обрыва на твоём поле. Она ухмыльнулась и помахала им рукой.

— Госпожа, вы просили предупредить, если кто-нибудь войдет в здание, — сказал Виндль.

Точно. Лифт вздрогнула и вспомнила, что задумала. Голова прояснилась.

— И? — нетерпеливо спросила она.

— Мрак собственной персоной, человек, который едва не убил вас в императорском дворце, только что вошел в дом прямо под нами.

Мрак собственной персоной. По спине пробежал холодок тревоги. Лифт ухватилась за край скалы, не осмеливаясь выглянуть. Она спрашивала себя, появится он или нет.

— Вы ведь пришли в город вслед за ним, — произнес Виндль.

— Чистой воды совпадение, — пробормотала Лифт.

— А вот и нет. Вы продемонстрировали свои способности капитану стражи, зная, что увиденное она опишет в отчете. И вы знали, что это привлечет внимание Мрака.

— Я не могу перерыть весь город в поисках одного человека. Нужен был способ заставить его явиться ко мне. Хотя я не думала, что он так быстро отыщет это место. Видимо, у него есть пищик, который отслеживает отчеты.

— Но зачем? — Голос Виндля почти сорвался на писк. — Зачем вы его ищете? Он опасен.

— Конечно.

— О, госпожа. Это безумие. Он...

— Он убивает людей, — тихо проговорила Лифт. — Визирь отследил его. Он убивает людей, на первый взгляд ничем не связанных. Визирь в недоумении, но я нет. — Она глубоко вздохнула. — В этом городе он за кем-то охотится, Виндль. За кем-то с силой... За

таким же, как я.

Виндль притих и издал понимающее «а-а-а».

— Давай спустимся к ее окну.

Не обращая внимания на фермеров, Лифт полезла вниз. Все еще погруженный в темноту, город медленно просыпался. Вряд ли она привлечет ненужное внимание, пока здесь не станет более оживленно.

Виндль услужливо петлял прямо перед ней, помогая зацепиться. Лифт не до конца понимала, что ею движет. Может, соблазн найти похожего на нее человека, который смог бы объяснить, кто она и почему в последнее время в ее жизни так мало смысла. А может, ей просто не нравилась мысль, что Мрак преследует невинных, таких же, как она, которые не сделали ничего плохого — по крайней мере, слишком плохого, — а просто владели силами, которыми, по его мнению, владеть не должны.

Лифт прижала ухо к ставне. Внутри был отчетливо слышен голос Мрака.

— Девочка, — произнес он. — Гердазийка или реши.

— Так точно, сэр, — отозвалась капитан. — Не возражаете, если я еще раз взгляну на ваши документы?

— Вы обнаружите, что они в полном порядке.

— Служащий специального назначения? Самого князя? Никогда не слышала о такой должности.

— Это древнее, редко употребляемое звание, — пояснил Мрак. — Опишите, что именно делал этот ребенок.

— Я...

— Опишите еще раз. Лично мне.

— Что ж, заставила она нас побегать, сэр. Проскользнула в караулку, перевернула все вверх дном, стащила немного еды. Серьезным преступлением было вывалить зерно на город. Уверена, она сделала это нарочно. Торговец уже подал иск против городской стражи за умышленное пренебрежение обязанностями.

— Шансов у него мало. Поскольку на тот момент разрешение на въезд в город он не получил, то и в сферу ваших полномочий не попадает. Он может разве что выдвинуть претензии против дорожной стражи и классифицировать случившееся как разбой.

— Я ему так и сказала!

— Вам не в чем себя упрекнуть, капитан. Вы повстречались с силой, которую не в состоянии понять и о которой я не вправе рассказать. Тем не менее мне нужны подробности, в качестве доказательств. Она сияла?

— Ну... как сказать...

— Капитан, она сияла?

— Да. Клянусь, я в здравом уме. Мне не просто померещилось, сэр. Она сияла. И зерно тоже сияло, едва заметно.

— И она была скользкой на ощупь?

— Маслом намазать, и то была бы не такая скользкая, сэр. Никогда не прикасалась ни к чему подобному.

— Следовало ожидать. Вот, подпишите здесь.

Послышалось шуршание. Лифт цеплялась за стену, приложив ухо к ставне, сердце бешено колотилось. У Мрака есть осколочный клинок. Если он заподозрит, что она снаружи, то может пронзить стену и разрезать ее на две половинки.

— Сэр? Не объясните, что происходит? — спросила капитан стражи. — Чувствую себя потерянной, как солдат на поле боя, который не может вспомнить, на чьей стороне воюет.

— Вам это знать не положено.

— Э-э... так точно, сэр.

— Найдите ребенка. То же передайте остальным и доложите начальству, если ее обнаружат. Я узнаю об этом.

— Так точно, сэр.

Судя по звуку шагов, Мрак направился к двери. Прежде чем уйти, он кое-что подметил:

— Заряженные сферы, капитан? Вам повезло, в последние-то дни.

— Я их выменяла, сэр.

— А в лампе на стене потускневшие.

— Они погасли много недель назад, сэр. Не успела заменить. Это... важно, сэр?

— Нет. Помните о своем задании, капитан. — Он попрощался.

Хлопнула дверь. Лифт снова вскарабкалась по стене в сопровождении ноющего Виндля и затаилась наверху, наблюдая, как Мрак вышел на улицу. Лучи утреннего солнца коснулись ее шеи, и Лифт не смогла сдержать дрожь.

Черная с серебром форма. Темная кожа, как у макабаки. Бледная отметина на щеке — родимое пятно в форме полумесяца.

Мертвые глаза. Глаза, которым все равно, кто перед ними, — человек, чулл или камень. Мрак спрятал документы в карман мундира и натянул длинные перчатки с отворотами.

— Итак, мы нашли его, — прошептал Виндль. — Что дальше?

— Дальше? — У Лифт пересохло во рту. — Дальше мы последуем за ним.

Слежка за Мраком сильно отличалась от слежки за капитаном. Во-первых, наступил день. Как бы ни было рано, света хватало, и Лифт опасалась, что ее заметят. К счастью, встреча с Мраком полностью развеяла туман сонливости.

Сначала она пыталась идти по верху стен, по садам над городом. Это оказалось непросто. Через расселины были перекинuty мосты, но попадались они не так часто, как хотелось. Каждый раз, когда Мрак подходил к перекрестку, Лифт пробирала дрожь: вдруг он свернет, а она не сможет перепрыгнуть слишком большое расстояние.

В конце концов она выбрала более опасный путь: спустилась по лестнице и пошла за Мраком понизу. Местные, похоже, привыкли к толкотне. В переулках оказалось не так уж тесно, на многих более крупных улицах было еще свободнее. Однако стены действительно усиливали ощущение клетки.

Лифт часто приходилось за кем-нибудь следить, поэтому она не привлекала внимания. Даже ни один карман не обчистила, несмотря на несколько прекрасных возможностей. Некоторые прохожие едва ли не выставляли кошель напоказ, словно настаивая, чтобы их забрали. Если бы не слежка за Мраком, можно было бы прихватить парочку, как в старые добрые времена.

Потрясность она не использовала, да та все равно подходила к концу. Лифт не ела с прошлого вечера, а сила со временем иссякала, даже если она ее не применяла. На это требовалось примерно полдня, но почему, Лифт не знала.

Она петляла между фермерами, шедшими на работу, женщинами, несущими воду, детьми, мчащимися вприпрыжку на уроки — там они сидели рядами и слушали учителя, одновременно занимаясь подсобной работой вроде шитья, чтобы оплатить обучение. Дурачьё.

Перед Мраком расступались, словно перед парнем, который, не в силах сдержаться, оповещает окружающих пердежом о том, что недавно съел. Улыбнувшись этой мысли, Лифт взобралась на какие-то ящики, где уже сидели другие уличные ребятишки. Однако Мрак не был обычным человеком. Сложно представить, как он ест и все такое.

Лавочник согнал их с ящиков, но Лифт успела хорошенько рассмотреть Мрака и поспешила следом. Виндль не отставал.

Мрак ни разу не остановился уточнить дорогу или отвлечься на безделушки уличных торговцев. Казалось, он двигается слишком быстро даже для собственных шагов, будто перетекая из тени в тень. Несколько раз Лифт едва не потеряла его из виду, что было крайне странно. Она всегда могла уследить за тем, кто где находится.

В конце концов Мрак подошел к лавке с множеством самых разнообразных фруктов. Выглядело это так, словно кто-то собирался затеять грандиозную драку едой, но решил пойти на попятную и теперь неохотно распродал боеприпасы. Пока лавочник неловко таранился на Мрака, Лифт позаимствовала фиолетовый фрукт, названия которого не знала. На Мрака всегда так смотрели. Он...

— Эй! — выкрикнул лавочник. — А ну, стой!

Лифт повернулась, спрятала руку за спину и выронила фрукт, пнув его пяткой подальше в толпу. И расплылась в милейшей улыбке.

Однако лавочник смотрел не на нее, а на другую дармоедку — девицу на пару лет

старше Лифт, которая стащила целую корзинку фруктов. В ту же секунду, как была замечена, девица подхватила корзинку и дала деру, ловко лавируя в толпе.

Лифт тихонько застонала.

Нет. Не туда. Только не к...

Мрак высмотрел воровку в толпе, будто перетек к ней и сцапал за плечо — словно сработала крысоловка. Девица отбивалась и брыкалась, но он сохранял невозмутимость и словно не замечал ее выпады. Он подобрал корзинку с фруктами и понес к лавке, волоча за собой и воровку.

— Благодарю! — Лавочник принял корзинку и оглядел форму Мрака. — Хм, офицер?

— Я служащий специального назначения с неограниченными полномочиями по всей стране, действующий с разрешения князя. — Мрак извлек из кармана мундира документ и протянул лавочнику.

Девица схватила из корзинки фрукт и запустила им в Мрака. Фрукт отскочил от его груди с чавкающим звуком. Никакой реакции. Он не дернулся, даже когда воровка укусила его за руку — просто спрятал документ, который показывал лавочнику. И посмотрел на нее.

Лифт знала, каково это — заглянуть в его холодные безжизненные глаза. Девица сжалась и, видимо, запаниковала — выдернула из-за пояса нож и принялась им размахивать. В отчаянии попыталась резануть Мрака по плечу, но тот свободной рукой легко выбил оружие.

Толпа почуяла неладное. Остальной рынок оживленно гудел, но вокруг все стихло. Лифт притаилась за небольшой сломанной телегой. Та была узкой, чтобы ее было легче катить по расселинам. Пара беспризорников спорила, сколько времени потребуется Тикке «на этот раз», чтобы сбежать.

Словно услышав их, Мрак призвал осколочный клинок и вогнал его в грудь вырывающейся воровки.

Длинное лезвие вошло по самую рукоять. Девица ахнула, ее глаза широко распахнулись, а затем ссохлись и выгорели, лишь два завитка дыма поползли к небу.

Лавочник вскрикнул, прижав руку к груди. Корзинка с фруктами покатила по земле.

Лифт зажмурилась и слышала, как упало бездыханное тело. Затем раздался преувеличенно спокойный голос Мрака:

— Отдайте этот бланк смотрителю рынка. Он разберется с телом и примет ваше заявление. Давайте я засвидетельствую дату и время... вот...

Лифт заставила себя открыть глаза. Двое беспризорников рядом с ней застыли от ужаса, широко разинув рты. Не веря собственным глазам, один захныкал.

Мрак закончил заполнять бланк и подтолкнул лавочника, чтобы тот тоже письменно засвидетельствовал происшедшее. Потом кивнул и развернулся, чтобы уйти.

У ног лавочника по-прежнему валялись рассыпавшиеся фрукты, сбоку громоздились ящики и корзины. Он уставился на труп, вяло сжимая бланк. Вдруг вокруг него на земле вскипели спрены гнева, похожие на красные лужицы.

— Это было необходимо?! — с вызовом спросил он. — Таши... Таши всевышний!

— Таши не сильно заботит, чем вы тут занимаетесь, — произнес Мрак на ходу. — Более того, я бы помолился, чтобы он не нагрязнул в ваш город, так как последствия вам вряд ли понравятся. Что касается воровки, за кражу она бы отделалась тюремным заключением. Нападение с холодным оружием на офицера карается смертью.

— Но... но это варварство! Нельзя было просто... просто отрубить ей руку, например?

Мрак остановился и оглянулся на лавочника. Тот сразу поник.

— Я пробовал это там, где закон позволяет выбрать наказание на свое усмотрение. Отрубить руку — значит, повысить вероятность рецидива. Вор не способен честно трудиться, ему придется снова украсть. В этом случае я бы усугубил, а не искоренил злодеяние.

Склонив голову, он перевел взгляд с лавочника на мертвое тело, словно в недоумении, почему кто-то обеспокоен свершившимся. И без дальнейших объяснений отвернулся и продолжил путь.

Ошеломленная Лифт не могла отвести глаз. Наплевав на осторожность, она стряхнула оцепенение и подбежала к телу. Схватила девицу за плечи и вдохнула в нее потрясность — пылающий внутри свет.

На миг показалось, что все получилось. Она уловила нечто — свечение в форме силуэта. Подрагивая, оно задержалось вокруг тела, а потом улетучилось. Тело опало на землю, неподвижное, с выжженными глазами.

— Нет... — вырвалось у Лифт.

— На этот раз прошло слишком много времени, госпожа, — мягко произнес Виндль. — Мне жаль.

— Гокс пролежал дольше.

— Гокса убили не осколочным клинком. Мне... мне кажется, чаще всего люди не умирают мгновенно. Эх, память. Слишком много пробелов, госпожа. Но уверен, с осколочными клинками иначе. Возможно, если бы вы попытались сразу после убийства. Да, тогда бы получилось. Прошло слишком много времени, и в любом случае сил у вас было недостаточно.

Истощенная Лифт опустилась на колени прямо на камни. Даже крови нет.

— Она и правда бросилась на него с ножом, — произнес Виндль, понизив голос.

— Она испугалась! Посмотрела ему в глаза и запаниковала.

Стиснув зубы, Лифт зарычала, поднялась с колен и, перешагнув тело, подскочила к лавочнику. Тот отпрянул, а она схватила два фрукта и, глядя прямо ему в глаза, откусила от одного большой сочный кусок.

И побежала догонять Мрака.

— Госпожа... — вздохнул Виндль.

Лифт проигнорировала его. Она преследовала бессердечное чудовище, убийцу. Его снова удалось нагнать. После убийства воровки еще больше людей с тревогой смотрели ему вслед. Лифт заметила, как он вышел с рынка, поднялся по ступеням и скрылся в большом сводчатом проходе.

Лифт осторожно шла за ним, пока не оказалась в необычной части города. Здесь в камне вырезали большую коническую полость. Она уходила вглубь скалы и была заполнена водой.

Огромная цистерна размером в несколько домов предназначалась для сбора дождевой воды во время бурь.

— Ах, — восхитился Виндль. — Цистерна отгорожена барьером. Дождевые потоки стекают по улицам, но обходят ее стороной, поэтому вода в ней всегда чистая. Вообще похоже, что большинство улиц вырублены под уклоном именно для того, чтобы вода утекала. Но куда?

Какая разница. Лифт осмотрела большую цистерну и перекинутый над ней изящный

мостик. Штуковина такая огромная, что понадобился мостик. С него ведрами на веревках черпали воду.

По мостику Мрак не пошел. Вдоль наружной стороны цистерны тянулся выступ, и людей на нем было гораздо меньше. Мраку явно не хотелось толкаться.

Лифт задержалась у входа, борясь с отчаянием и чувством беспомощности. Ненароком помешав кому-то пройти, она заработала в свой адрес пару проклятий.

«Ее звали Тикка, — подумала Лифт. — Я буду помнить о тебе, Тикка. Потому что больше почти и некому».

Поверхность воды внизу рябила от того, что в цистерну постоянно опускали ведра. Если последовать за Мраком по выступу, не за кем будет укрыться.

Конечно, оглядывался он не часто. Стоило рискнуть. Лифт сделала шаг.

— Нет! — остановил ее Виндль. — Госпожа, не высовывайтесь. У него есть глаза, которых вы не замечаете.

Прекрасно. Она влилась в поток,двигающийся вниз по ступеням. Этот путь был короче, но на мосту оказалось слишком многолюдно. В суматохе из-за невысокого роста она потеряла Мрака из виду.

Шея покрылась холодным потом. Ей мерещилось, что если она его не видит, значит, совершенно точно, пусть это и глупо, он наблюдает за ней. Перед глазами раз за разом всплывала картинка: он хватает воровку на рынке, двигаясь со сверхъестественной легкостью. Да, он многое знал о таких, как Лифт. И говорил о ее силах, словно знаком с ними не понаслышке.

Лифт зачерпнула потрясности. Не сделалась скользкой, но позволила свету заполнить себя, взбодрить. Иногда казалось, будто сила живая. Сущность стремления, спрен. Лифт тянуло вперед, только поспевай уворачиваться и протискиваться.

Она добралась до другого конца моста, но Мрака не было видно на выступе. Бури! Миновав сводчатый проход на другой стороне, Лифт снова очутилась в основной части города на большом перекрестке.

Мимо нее сновали закутанные в шиквы ташиккцы, иногда попадались азирыцы в одежде с разноцветными узорами. Определенно, эта часть города лучше. Свет восходящего солнца отражался от раскрашенных участков стен. Огромная фреска изображала, как Таши и Девятеро связывают мир. Некоторых прохожих сопровождали рабы-паршуны с мраморной черно-красной кожей. Здесь они встречались не так часто, как в Азире. Может, она просто не заходила в достаточно богатые районы?

Перед большинством зданий росли деревца или декоративные кустики. Эти сорта специально вывели ленивыми, чтобы листья не втягивались, несмотря на близкое столпотворение.

«Вглядись, — подумала Лифт. — Где людям не по себе?»

Доверившись интуиции, она пробиралась сквозь толпу. Нечто едва уловимое было в том, как все стояли, куда смотрели. Слово рябь на воде. Слово волны расходятся от плывущей рыбы, безмолвной, но не неподвижной.

Лифт свернула за угол и краем глаза заметила Мрака. Тот поднимался по ступеням у ряда небольших деревьев. Он вошел внутрь дома, дверь закрылась.

Лифт подкралась ближе. Листья на деревьях задевали ее лицо и втягивались. Они, конечно, медленные, но не настолько глупые, чтобы замирать, если их трогают.

— Что там у него за «глаза», которых я не замечаю? — спросила Лифт у свернувшегося

рядом Виндля.

— У Мрака есть спрен, вроде меня. Наверняка невидимый для всех, кроме него. Впрочем, как и большинство на этой стороне. Всех правил не помню.

— Иногда ты такой глупый, пустоносец.

Виндль в ответ только вздохнул.

— Не переживай, я глуплю почти все время, — почесала затылок Лифт.

Ступеньки вели к двери. Хватит ли у нее смелости открыть ее и проскользнуть внутрь? Если она хочет разузнать о Мраке и его делах в городе, придется выяснить не только, где он живет.

— Госпожа, может, я и глуп, но знаю наверняка, что вы этому существу не ровня. Вы не произнесли еще многих Слов.

— Ну естественно, я много каких слов не произносила. Ты вообще меня слушаешь? Я маленькая невинная девочка. И не собираюсь болтать о письках, жопах и прочей ерунде. Я же не грубиянка.

— Не таких слов, госпожа, — вздохнул Виндль. — Я...

— А ну, цыц. — Лифт притаилась под деревьями перед зданием. — Нам нужно попасть внутрь и посмотреть, чем он там занимается.

— Госпожа, пожалуйста, не дайте убить себя. Это будет ужасно. Чтобы восстановиться, мне потребуется не один месяц!

— Всяко быстрее, чем мне.

Она пораскинула мозгами. Зависнуть снаружи здания и подслушать Мрака, как вышло у дома капитана стражи, не получится. Только не в зажиточной части города и не среди бела дня.

Кроме того, сегодня перед ней более серьезные цели, нежели обычное подслушивание. Нужно по-настоящему вломиться внутрь и обстрять все как полагается. Но как? Черного хода у таких домов не найдешь, их вырезали прямо в скале. Можно проскользнуть через окно, но это точно вызовет подозрения.

Лифт бросила взгляд на прохожих. Горожане точно обратят внимание на уличную оборванку, которая лезет в окно. Сразу ясно — что-то не так. В то же время они не замечают очевидных вещей прямо под носом.

Может... После того как она съела фрукт, еще оставалось немного потрясности. Лифт заметила закрытое окно в пяти-шести футах сверху. Первый этаж, но довольно высоко, как и все в этом городе.

Она присела и выпустила наружу немного потрясности. Маленькое деревце рядом потянулось и тихо затрещало. Почки с листьями набухли и раскрылись, словно зевнув спросонок. Ветви устремились в небо. Она выжидала, подпитывая крону, пока та не разрослась настолько, что заслонила окно. Вокруг ног Лифт, точно маленькие булочки в печи, вздувались принесенные бурями семена камнепочек. По лодыжкам вились тонкие побеги.

Никто из прохожих не обращал внимания. Оборванку закуют в кандалы за то, что она подозрительно почешет зад, но чудо под носом их не волнует. Выдохнув, Лифт улыбнулась. Если перемещаться осторожно, дерево прикроет ее, когда она полезет в окно. Она оставила потрясность сочиться наружу, успокаивая дерево, и то разленилось еще больше. Вокруг засновали спрены жизни — светящиеся зеленые пылинки.

Дождавшись, пока людской поток поредеет, Лифт подпрыгнула, ухватилась за ветку и

залезла на дерево. Подпитываясь потрясностью, оно не втягивало листья. Среди ветвей, пряно благоухающих, как специи для супа, Лифт чувствовала себя в безопасности. По ветвям, выпуская многочисленные листья, вились лозы, совсем как у Виндля.

К сожалению, сила почти иссякла. От пары кусочков фрукта толку не много. Лифт приложила ухо к толстым буреставням, но из комнаты не доносилось ни звука. Скрытая в кроне, она легонько подергала буреставни, чтобы определить, где защелка.

«Ну вот. Я умею слушать».

Правда, это не совсем то слушание.

С обратной стороны окно оказалось заперто каким-то длинным засовом, судя по всему, вдетым в пазы поперек ставен. К счастью, здесь буреставни закрывались не так плотно, как в других городах. Видимо, под защитой расселин в этом не было нужды. Лифт наплатила лозы буресветом, и те, обвив ветви, обернулись вокруг ее рук и протиснулись в щели между ставен. Внутри побеги вытянулись, надавив на засов, и...

И вот она внутри. Остатки потрясности ушли на петли — ставни раскрылись, не издав ни звука. Лифт скользнула в комнату, напоминающую каменную коробку. Спрены жизни хлынули следом, танцуя в воздухе, словно светящиеся семена шептомельницы.

— Госпожа! — Виндль взвился по стене. — О, госпожа, это было бесподобно! Почему бы нам не выкинуть из головы всю эту ерунду с неболомами и не заняться... почему бы... почему бы не заняться собственной фермой!? Точно, фермой! Чудной фермой. Вы будете каждый день ваять растения и есть, пока не лопнете! И... госпожа?

Лифт неслышно прошлась по комнате, отметив у стены стойку со смертоносными мечами в ножнах. Тренировочные краги на полу в углу. Пахло маслом и потом. В дверном проеме не было двери, и Лифт выглянула наружу, прислушиваясь.

Здесь пересекались три коридора. Вдоль боковых, справа и слева, тянулись комнаты, центральный вел вперед, во тьму. Как раз оттуда эхом доносились голоса.

Центральный коридор врезался глубоко в скалу, прочь от окон, а значит, и выходов. Лифт бросила взгляд направо, в сторону входа в дом. В кресле возле двери сидел старик в бело-черной форме, какую она видела только на Мраке и его людях. Не считая пары клочков волос, стражник был лысый, с глазами-бусинками и сморщенным лицом — будто сухофрукт пытался сойти за человека.

Он встал и, выглянув в маленькое дверное окошко, стал с подозрением наблюдать за прохожими. Лифт воспользовалась моментом и шмыгнула в коридор слева, а оттуда — в соседнюю комнату.

Эта выглядела поинтереснее. Несмотря на полумрак, комната напоминала рабочий кабинет или логово. Слегка приоткрыв ставни и впустив немного света, Лифт осмотрелась. На полках, заваленных картами, ничего необычного. На письменном столе, кроме нескольких книг и подставки с даль-перьями, тоже ничего. Сундук у стены заперт. Она уже начала терять надежду, когда вдруг что-то учуяла.

Лифт выглянула из дверного проема. Стражник отошел. Она слышала, как он насвистывает неподалеку, оттуда же доносилось журчание струи.

Лифт скользнула по коридору налево, подальше от входа. Следующей комнатой оказалась спальня, дверь была чуть приоткрыта. Прокравшись внутрь, она обнаружила мундир на вешалке, с пятном от фрукта спереди. Несомненно, мундир принадлежал Мраку.

На полу под мундиром стоял поднос, накрытый металлической крышкой, — под такими богачи прятали тарелки, чтобы даже не смотреть на еду, пока та не остынет. Под крышкой,

словно изумрудные сокровища Чертогов Спокойствия, дожидались три тарелки с блинчиками.

Завтрак Мрака. Задача выполнена.

С мстительным воодушевлением Лифт принялась набивать рот.

Рядом появилось лицо из лоз.

— Госпожа? — позвал Виндль. — Так все ради... ради того, чтобы стащить у него еду?

— М-гм. — Лифт проглотила кусок. — Ради чего же еще. — И откусила еще. Теперь ему мало не покажется.

— О, разумеется. — Виндль глубоко вздохнул. — Полагаю, это... это славно. Да. Никто не размахивает невинными спреями, не вонзает их в людей и все такое прочее. Просто... просто крадем еду.

— Еду Мрака.

Она краля во дворце и, голод побери, у самого императора Азира. Нужно было попробовать что-нибудь поинтереснее.

Приятно, когда желудок наконец наполнен под завязку. Один блинчик был соленый, с рублеными овощами. Другой сладкий. Третий оказался воздушным, почти совсем без начинки, правда, с соусом. Соус она выпила залпом — нет времени на макание.

Лифт подобрала все крошки и, улыбаясь, привалилась к стене.

— Значит, мы проделали весь этот путь и выследили самого опасного человека из всех, что встречали, лишь для того, чтобы стащить его завтрак, — подвел итог Виндль. — И больше... больше ничего?

— А ты хочешь проверить что-нибудь еще?

— Бури, нет! — Виндль повернул свое маленькое лицо из лоз к коридору. — Я имею в виду... здесь мы все время подвергаемся опасности.

— Ага.

— Нужно бежать. Завести ферму, как я уже говорил. И забыть про него, хотя он явно выслеживает кого-то в городе. Такого же, как мы, способного дать ему отпор. И кого он убьет прежде, чем тот осознает собственные способности...

Они сидели в комнате, рядом валялся пустой поднос. Лифт чувствовала, как внутри снова начинает бурлить потрясность.

— Тогда поспионим за ним, что скажешь?

Виндль немного поныл, но, как ни странно, кивнул.

— Только постарайтесь умереть не слишком жестокой смертью, госпожа, — бурчал Виндль. Лифт подкрадывалась к голосам неподалеку. — Лучше хороший удар по голове, чем если вас выпотрошат.

Один голос совершенно точно принадлежал Мраку. Ее пробрал озноб. Гонясь за ней по азирскому дворцу, он казался бесстрастным и едва ли не извинялся за то, что собирался сделать.

— Слышал, удушение вполне ничего, — продолжал Виндль. — Но в этом случае, испуская дух, не смотрите на меня. Боюсь, я этого не вынесу.

«Вспомни девицу на рынке. Успокойся».

Бури, руки у нее дрожали.

— Уж не знаю, какая вам выпадет смерть, — добавил Виндль. — Скорее всего, жуткая, но зато вы не умрете в поножовщине.

Коридор заканчивался большой комнатой. От бриллиантов внутри исходил спокойный, мягкий свет. Не осколки и даже не сферы, большие самосветы без оправы. Лифт затаилась у приоткрытой двери, в тени.

Одетый в строгую белую рубашку, Мрак вышагивал перед двумя приспешниками в черно-белой форме, с мечами на поясах. Один был макабаки, с круглым простоватым лицом. Вторая — женщина с более светлой кожей, может, реши, о чем свидетельствовали длинные темные волосы, заплетенные в тугую косу. У нее была квадратная челюсть, мощные плечи и чересчур маленький нос, будто свой она продала, чтобы купить новую пару обуви, а замену откопала на свалке.

— Тем, кто вскоре присоединится к нашему ордену, оправдываться не подобает, — наставлял Мрак. — Если хотите заслужить доверие своих спренов и сделать шаг от посвященного к рыцарю Осколков, вы должны полностью отдаться делу. Должны оправдать доверие. Утром я напал на след, который вы оба упустили, и обнаружил в городе второго нарушителя.

— Сэр! — отозвалась женщина реши. — Я предотвратила нападение в переулке! Мужчине угрожали бандиты!

— Это правильный поступок, — Мрак продолжал размеренно вышагивать взад-вперед, — но следует действовать осмотрительно, не отвлекаясь на мелких преступников. Я понимаю, что сложно оставаться в стороне, когда сталкиваешься с нарушением законов, объединяющих общество. Однако помните: наша первоочередная забота — более важные вещи и более важные преступления.

— Связыватели потоков, — произнесла женщина.

Связыватели потоков. Люди, похожие на Лифт, люди с потрясностью, способные на невозможное. Ей не было страшно пробраться во дворец, но сжавшись под дверью, глядя на человека, которого называла Мраком, она замерла от ужаса.

— Но... действительно ли... — заговорил мужчина-посвященный. — В смысле, не следует ли нам желать их возвращения, ведь тогда мы перестанем быть единственным орденом Сияющих рыцарей?

— К сожалению, нет. Когда-то я и сам так думал, но Ишар открыл мне истину. Если между спренами и людьми снова возникнут узы, люди неизбежно познают великую силу

клятв. Без Чести, контролирующего все это, есть небольшой риск, что пустоноscopy снова смогут совершить скачок между мирами. Это вызовет Опустошение, и даже малый риск того, что мир будет уничтожен, неприемлем. Для миссии, возложенной на нас Ишаром, — защиты Рошара именем высшего закона — требуется абсолютная преданность.

— Ты заблуждаешься, — послышался шепот из темноты. — Может, ты и бог... но все равно заблуждаешься.

Лифт чуть не выпрыгнула из собственной кожи. Бури! Рядом с местом, где она пряталась, прямо в дверном проеме, сидел парень. Она его не заметила — слишком сосредоточилась на Мраке.

Парень сидел на полу: в рваных белых одеяниях, с коротким коричневым пушком на голове, словно до недавнего времени постоянно брил волосы. Кожа бледная, бесцветная. Он обнимал длинный меч в серебристых ножнах, как любимую игрушку, уперев рукоять в плечо.

Он слегка шевельнулся и... бури, от него остался мягкий белый послеобраз, какой бывает, если слишком долго смотреть на яркий самосвет. Через мгновение послеобраз растаял.

— Они уже вернулись, — прошептал парень с едва уловимым шинским акцентом. — Пустоноscopy уже вернулись.

— Ты ошибаешься, — возразил Мрак. — Пустоноscopy не вернулись. То, что ты видел на Расколотых равнинах, — просто пережитки из прошлого тысячелетия. Это пустоноscopy, которые все время скрывались среди нас.

Парень в белом поднял взгляд, и Лифт отпрянула назад. От его движения остался еще один послеобраз, кратко засиявший, прежде чем погаснуть. Бури! Белые одеяния. Необычные силы. Лысый шинец. Осколочный клинок.

Да это ведь, голод побери, Убийца в Белом!

— Я их видел, — прошептал убийца. — Новая буря, красные глаза. Ты заблуждаешься, Нин-сын-Бога. Ты заблуждаешься.

— Совпадение, — уверенно ответил Мрак. — Я связывался с Ишаром, и он заверил меня в этом. Ты видел лишь нескольких слушателей, оставшихся с древних времен. Они вольны использовать древние формы. Они призвали горстку спренов пустоты. Мы и раньше находили на Рошаре этих недобитков.

— А буря? Новая буря с красными молниями?

— Ничего не значит. — Похоже, Мраку было все равно, когда ему возражают. Похоже, ему всё все равно. Абсолютно монотонный голос. — Наверняка, аномалия.

— Как же сильно ты заблуждаешься...

— Пустоноscopy не вернулись, — твердо заявил Мрак. — Ишар уверял, что это так, а он не будет лгать. Мы должны исполнить наш долг. Ты задаешься вопросами, Сзет-сын-Нетуро. Это не хорошо, это слабость. Задаваться вопросами — значит, опуститься до бездействия. Избрать принципы и следовать им — вот единственный путь к здоровым мыслям и поступкам. Именно поэтому я и пришел за тобой.

Мрак развернулся, расхаживая перед собеседниками.

— Разум людей уязвим, чувства переменчивы и часто непредсказуемы. Единственный путь к Чести — придерживаться выбранных принципов. Так поступали Сияющие рыцари, и так поступают неболомы.

Мужчина и женщина отсалютовали. Убийца только склонил голову, закрыв глаза и

крепче сжав странный осколочный клинок в серебристых ножнах.

— Вы сказали, в городе еще один связыватель потоков, — заговорила женщина. — Мы можем найти...

— Она моя, — спокойно сказал Мрак. — Продолжайте выполнять свое задание. Найдите того, кто скрывается с момента нашего прибытия. — Он сузил глаза. — Если не остановить одного, другие начнут объединяться. Они соберутся в группу. За последние пять лет я часто отмечал, что, если им не мешать, они налаживают общение между собой. Должно быть, их тянет друг к другу.

Он повернулся к двоим посвященным. Похоже, убийцу он игнорировал, пока тот молчал.

— Ваша добыча будет совершать ошибки — они нарушают закон. Другие ордены всегда считали себя выше закона. Только неболомы понимали важность ограничений, важность выбора внешнего ориентира, которым и руководствовались. Нельзя доверять своим суждениям, даже моему — особенно моему. Я оказал вам достаточную помощь. Вы получили мое благословение и полномочия свободно действовать в городе. Вы найдете связывателей потоков, выясните их прегрешения и свершите правосудие. Во имя Рошара.

Оба снова отсалютовали, и в комнате внезапно потемнело. Женщина засияла призрачным светом и, покраснев, робко поглядела на Мрака.

— Я найду их, сэр! Мое расследование не стоит на месте.

— У меня тоже есть зацепка, — добавил мужчина. — Сегодня вечером у меня точно появится информация.

— Работайте сообща, — напутствовал Мрак. — Это не соревнование. Это испытание ваших способностей. Даю вам время до заката, больше ждать не могу. Теперь, когда начали появляться другие, риск слишком велик. После заката я займусь вопросом лично.

— Жопа, — прошептала Лифт. Она покачала головой и поспешила обратно по длинному коридору, прочь от этих людей.

— Погодите-ка. — Виндль следовал за ней. — Жопа? Вы вроде бы зарекались не произносить таких слов, как...

— Жопы есть у всех, — пробурчала Лифт. — Так что это не грубость, а наблюдение.

Добежав до пересечения коридоров, она выглянула в левый. Старикан на страже задремал. Лифт скользнула в комнату, через которую забралась внутрь, перелезла на дерево и закрыла за собой ставни.

В считанные секунды она забежала за угол и с бешено колотящимся сердцем сползла по каменной стене на землю. Дальше по переулку виднелась довольно симпатичная лачуга, внутри семья ела блинчики. У лачуги было целых две стены.

— Госпожа? — позвал Виндль.

— Я проголодалась, — пожаловалась Лифт.

— Вы только что поели!

— Не ожидала, что придется так напрягаться, чтобы забраться в этот дом, голод его побери. — Она зажмурилась, пытаясь подавить тревогу.

Голос Мрака был ледяным.

«Но они такие же, как я. Светятся, как я. Они... потрясные, как я? Преисподняя, что здесь творится?»

И Убийца в Белом. Не собирается ли он убить Гокса?

— Госпожа? — Виндль обвился вокруг ее ноги. — О, госпожа, слышали, как его

называют? Нин! Так звали Налана, Вестника! Не может быть, они ведь ушли. Даже у нас ходят об этом легенды. Если это создание и правда один из них... О, Лифт, что же нам делать?

— Не знаю, — прошептала она. — Не знаю. Бури... почему я вообще здесь?

— Видите ли, я спрашивал о том же еще...

— Заткнись, пустоносец.

Она перекатилась и села на колени. В глубине переулочка отец семейства потянулся за дубинкой, а жена закрыла пологом переднюю часть лачуги.

Лифт вздохнула и побрела обратно к кварталу переселенцев.

Добравшись до приюта, Лифт наконец поняла, почему тот располагался рядом с открытым пространством у входа в переулок. Смотрительница приюта — Карга, как ее называли, — отворила двери и выпустила детей. Они играли на самой скучной в мире детской площадке — на ступеньках амфитеатра и небольшом ровном участке перед ним.

Однако детям вроде нравилось. Одни, весело смеясь, носились вверх-вниз по ступенькам, другие сидели кружком на земле и играли раскрашенными камешками. В воздухе резвились спрены смеха, похожие на маленьких серебристых рыбок, — голод побери, целый косяк сновал туда-сюда футах в десяти над землей.

Детей было много, и в основном они оказались младше, чем ожидала Лифт. У большинства, как она поняла, проблемы с головой, у некоторых недоставало руки или ноги, все в таком духе.

Лифт слонялась у входа в переулок, где играли две слепые девочки. Одна роняла камешки разных размеров и форм, а другая угадывала, где какой, по звуку, с которым те падали на землю. Старики и старухи в шиквах, те же, что и вчера, снова собрались на задних скамейках амфитеатра и, переговариваясь, наблюдали за играющими детьми.

— Я думал, вы считаете, что в сиротских приютах сплошная безнадежность, — произнес Виндль, пристроившись рядом на стене.

— Когда их выпускают погулять, все ненадолго становятся чуть счастливее, — сказала Лифт, глядя на Каргу.

Иссохшая пожилая женщина с хмурым видом выкатила к амфитеатру тележку. Опять булки из клемы. Бесподобно. Они были лишь немногим вкуснее каши-размазни, а та — лишь немногим вкуснее вареных носков.

Однако Лифт все равно пристроилась за остальными. Когда до нее дошла очередь, Карга, не проронив ни слова, указала на место возле тележки. Лифт, не в силах спорить, шагнула в сторону.

Убедившись, что все дети получили еду, Карга пристально посмотрела на Лифт и протянула ей одну из двух оставшихся булок.

— Это твой второй раз из трех.

— Второй?! — возмутилась Лифт. — Я же не...

— Первый был вчера вечером.

— Я тогда не просила!

— Но съела.

Карга покатила тележку, откусив от последней булки.

— Шквальная ведьма! — пробормотала Лифт.

Найдя местечко на каменных скамейках, она уселась подальше от приютских, не желая с ними разговаривать.

— Госпожа. — Виндль взобрался к ней по ступенькам. — Я не верю, когда вы говорите, будто покинули Азир потому, что там вас одевали в красивую одежду и учили грамоте.

— С чего бы вдруг? — ответила она, жуя булку.

— Начнем с того, что вам нравилось наряжаться. А когда дело доходило до уроков, вы, судя по всему, с удовольствием играли с учителями в прятки. Вас ни к чему не принуждали, просто предоставили возможности. Жизнь во дворце вовсе не была удавкой на шее, как вы

уверяете.

— Для меня, может, и нет, — признала она.

Чего не скажешь о Гоксе. От нового императора ожидали слишком многого: уроки, жизнь напоказ. Люди приходили смотреть, как он ест. И наблюдали, как он спит. В Азире император принадлежал народу, словно был дружелюбной бездомной рубигончей, которую подкармливают в семи домах, и каждый дом считает ее своей.

— Может, я просто не хотела обманывать их ожидания. Когда знаком с людьми слишком долго, они начинают на тебя рассчитывать.

— Ах, так вы не выносите груза ответственности?

— Конечно не выношу. Голод побери, я обычная девчонка с улицы.

— Девчонка, которая гналась за человеком, оказавшимся ни много ни мало одним из Вестников. Который обезумел и якшается с убийцей, прикончившим кучу монархов. Все верно, должно быть, вы избегаете ответственности.

— Ты на меня бочку катишь, пустоносец?

— Качу бочку? Признаться, я не понимаю смысла этого выражения, но судя по вашему тону, качу. И вероятно, вы этого заслуживаете.

Лифт что-то проворчала с набитым ртом. На вкус булка была отвратительной, будто пролежала всю ночь.

— Мамочка всегда советовала мне путешествовать. По всяким местам. Пока я молодая.

— То есть поэтому вы покинули дворец?

— Без понятия. Наверно.

— Полная чушь. Госпожа, в чем же все-таки дело? Лифт, чего вы хотите?

Она опустила взгляд на недоеденную булку и тихо проговорила:

— Все меняется. Но это не страшно, все и должно меняться, кроме меня. Я попросила об этом. По идее, она должна давать то, что просишь.

— Ночехранительница? — уточнил Виндль.

Лифт кивнула, чувствуя себя подавленной и озябшей. Вокруг играли и смеялись дети, но почему-то при виде их становилось только хуже. Она прекрасно понимала, хоть и долго пыталась это игнорировать, что стала выше, чем три года назад, когда разыскала Старую магию.

Она устремила взгляд мимо детей на улицу впереди. Промелькнула группа женщин, несущих корзины с пряжей. В противоположном направлении прошествовал важный мужчина алет, по крайней мере на фут выше любого прохожего, с прямыми черными волосами и властными манерами. Уборщики подбирали мусор.

У входа в переулок Карга, оставив тележку, отчитывала малыша, который затеял драку. На задних скамейках амфитеатра перешучивались старики со старухами. Одна старуха разливала по чашкам чай и передавала остальным.

Казалось... все просто знают, что делать. Кремлецы знали, как удирать, растения — как расти. Все знали свое место.

— Я всегда знала, только как добывать еду, — прошептала Лифт.

— Вы о чем, госпожа?

Поначалу прокормиться было трудно. Со временем она научилась разным уловкам. Поднаторела в них.

А чем заняться, когда не нужно думать о еде? Как вообще понять?

Кто-то ткнул ее в руку, и Лифт обернулась. К ней подскочил мальчишка — тощий, с

обритой головой, — показал на недоеденную булку и заворчал.

Лифт со вздохом отдала булку, и мальчишка с жадностью набросился на еду.

— Я тебя знаю, — сказала она, склонив голову набок. — Тебя прошлым вечером бросила мать.

— Мать, — повторил он и посмотрел на нее. — Мать... вернется когда?

— Ха, так ты умеешь говорить. Я думала, не умеешь. Прошлым вечером ты тупо пялился в одну точку.

— Я... — Мальчик моргнул и снова посмотрел на нее. Слюни больше не текли. Должно быть, у него удачный день. Великое достижение. — Мать... вернется?

— Наверно, нет, — ответила Лифт. — Извини, парень. Они не возвращаются. Как тебя зовут?

— Мик. — Он озадаченно уставился на нее, будто пытаюсь, причем безуспешно, вспомнить, кто она такая. — Мы... друзья?

— Не-а. Ты не захочешь быть моим другом. Мои друзья становятся императорами. — Она поежилась и наклонилась к мальчику. — За него даже в носу ковыряют.

Мик непонимающе смотрел на нее.

— Ага, я серьезно. Ковыряют в носу. Короче, у него есть женщина, типа прически делать, и вот заглядываю я однажды и вижу, как она вытаскивает что-то у него из носа, маленькими такими щипчиками — подцепила козявку. — Лифт поежилась. — Чудная жизнь у императоров.

Карга оттащила одного из драчунов и грубо усадила на каменную мостовую. Затем, как ни странно, сунула ему какие-то наушники, будто на улице холодно. Он надел их и закрыл глаза.

Карга перевела дух и глянула на Лифт с Миком.

— Строите план, как меня ограбить?

— Что? — удивилась Лифт. — Нет!

— Еще один раз. — Женщина подняла палец кверху, потом ткнула им в Мика. — А когда будешь уходить, забереешь его с собой. Я знаю, что он притворяется.

— Притворяется? — Лифт повернулась к Мику, который ошеломленно моргал, будто пытаюсь уследить за разговором. — Вы же не серьезно?

— Я прекрасно вижу, когда беспризорники прикидываются больными, чтобы получить еду, — фыркнула Карга. — Этот не идиот, а притворщик. — Она потопала прочь.

Мик поник, опустив взгляд.

— Я скучаю по матери.

— Да уж. И то неплохо.

Мик нахмурился.

— Мы своих матерей хотя бы помним, — пояснила Лифт, вставая. — Большинство таких, как мы, даже этим похвастать не могут. — Она хлопнула его по плечу.

Вскоре Карга объявила, что время игр истекло. Детей увели в приют для дневного сна, хотя многие были для этого уже слишком взрослыми. Мика она одарила недовольным взглядом, но разрешила войти.

Лифт осталась сидеть на каменной скамье. Она попыталась прихлопнуть кремлеца, ползущего по ближайшей ступеньке. Тот, голод его побери, увернулся и щелкнул хитиновыми лапками, будто смеясь. Тут даже кремлецы странные, не такие, к каким она привыкла. Можно забыть о том, что ты в другой стране, пока не увидишь местных

кремлецов.

— Госпожа, — подал голос Виндль. — Вы решили, что нам делать?

Решать. Почему она должна решать? Обычно она просто действовала. Решала проблемы по мере поступления и перебиралась на новые места только потому, что никогда там не бывала.

Старики, наблюдавшие за детьми, медленно поднимались, словно древние деревья, расправляющие ветви после бури, и постепенно расходились. Остался лишь один: в черной шикве, лицо с седыми усами открыто.

— Эй, старик, — позвала Лифт. — Ты все такой же ненормальный?

— Уж какой есть, — ответил тот.

Хмыкнув, Лифт поднялась и подошла к нему. Кто-то из детей забыл потертые раскрашенные камешки — жалкое детское подражание стеклянным шарикам. Лифт пнула их.

— Откуда ты знаешь, что делать? — спросила она, сунув руки в карманы.

— Насчет чего, малышка?

— Насчет всего. Кто тебе говорит, как распоряжаться собственным временем? Тебя родители научили? В чем секрет?

— Секрет чего?

— Как быть человеком, — тихо сказала Лифт.

— А, это, — усмехнулся старик. — Вряд ли я знаю. По крайней мере, не лучше тебя.

Лифт посмотрела в небо, на стены-расселины, с которых соскребли растения, но взамен, словно в подражание, выкрасили в темно-зеленый цвет.

— Удивительно, — проговорил старик. — Людям отведено совсем мало времени. Многие, кого я знал, считали так же: как только начинаешь понимать, что к чему, день уже заканчивается, опускается ночь и гаснет свет.

Лифт посмотрела на него. Ага, все такой же ненормальный.

— Наверно, когда ты старый и все такое, начинаешь подумывать о смерти. Типа как парень, когда хочет писать, начинает подумывать, где бы найти закоулок потише.

Старик усмехнулся.

— Твоя жизнь пройдет, но организм, то есть город, продолжит жить, носик.

— Я не нос, — возразила Лифт. — Я тебе зубы заговаривала.

— Нос, зубы. И то, и другое на лице.

Лифт закатила глаза.

— Я не это имела в виду.

— Тогда что же? Может, ухо?

— Не знаю. Может.

— Нет. Еще нет. Но почти.

— Ла-а-адно, а ты тогда что? — спросила Лифт.

— Я изменяюсь с каждым мгновением. В один миг я — глаза, что видят множество людей в городе. В другой — рот, чтобы произносить философские речи. Они распространяются как зараза — и временами я зараза. Почти все заразы живые. Ты это знала?

— Ты же... не всерьез говоришь о том, о чем сейчас говоришь?

— Полагаю, всерьез.

— Отлично.

Нашла кого спросить, как стать взрослым ответственным человеком, — да у него овощная похлебка вместо мозгов. Лифт повернулась, чтобы уйти.

— Чем ты станешь этому городу, дитя? — спросил старик. — Это часть моего вопроса. Ты сделаешь выбор или будешь плыть по течению? Как часть города, ты район великолепных дворцов? Или трущоба?

Лифт вернулась к старику.

— Если бы ты мог видеть меня насквозь, то не говорил бы такое.

— Почему?

— Потому что. Трущобы хотя бы знают, зачем их построили.

Она отвернулась и влилась в людской поток на улице.

— Мне кажется, вы не понимаете основных принципов. — Виндль извивался по стене рядом с Лифт. — Госпожа... похоже, вас не интересует, как развивать нашу связь.

Она пожала плечами.

— Есть Слова, — продолжал он. — По крайней мере, так мы их называем. Скорее это идеи. Живые идеи, обладающие силой. Вы должны впустить их в свою душу, впустить меня в свою душу. Вы же слышали тех неболомов? Они собираются совершить очередной шаг в подготовке. Это когда... ну... они обретают осколочные клинки.

Он улыбнулся: улыбка складывалась из лоз, догонявших Лифт по стене. Каждый узор слегка отличался от предыдущего, вырастая один за другим, словно галерея рисунков. Они создавали улыбку, но по отдельности улыбками не были, только все вместе. Или, может, улыбка существовала в промежутках между узорами.

— Я знаю, как сделать только одно, — сказала Лифт. — Как стащить закуску Мрака. За этим я типа и пришла.

— Э-э, а разве мы это уже не сделали?

— Не его еду, а закуску. — Лифт сощурилась.

— А... Человека, которого он собирается казнить. Мы перехватим у него добычу.

Гуляя по переулку, Лифт дошла до сада. Это было чашеобразное углубление в камне с четырьмя выходами по разным сторонам. Подветренную стену покрывали лозы, но их постепенно сменяли бриттели, имеющие форму плоских тарелок для защиты от стихии, со стеблями, которые расползались навстречу солнечному свету.

Виндль фыркнул, спустившись на землю рядом с Лифт:

— Культивации почти никакой. Право, никакой это не сад. Тому, кто поддерживает здесь порядок, следует сделать выговор.

— А мне нравится. — Лифт протянула руку к спренам жизни, и те засновали над кончиками пальцев.

В саду былолюдно. Одни появлялись и исчезали, другие слонялись без дела, третьи просили подаяния. В городе ей не часто попадались попрошайки; похоже, существовали некие правила насчет того, когда и как можно попрошайничать.

Лифт остановилась, уперев руки в бока.

— В Азире и Ташикке любят все записывать.

— О, безусловно. — Виндль крутился около лоз. — М-м-м. Да, госпожа, эти лозы хотя бы плодовые. Не все так плохо, не все тут наобум.

— И они любят информацию, — продолжала Лифт. — Любят торговать ею друг с другом, так?

— Безусловно. Это самобытная черта их культуры, как говорили ваши наставники во дворце. Вас там не было, я слушал вместо вас.

— Писанина бывает важной, по крайней мере, для тех, кто ее пишет. Но что они потом с ней делают? Выбрасывают? Сжигают?

— Выбрасывают? Лозы Матери! Нет, нет, нет. Ничего нельзя просто так выбрасывать! Это еще может пригодиться. Я бы нашел для записей безопасное место и хранил их в неприкосновенности на случай, если они понадобятся.

Лифт кивнула, сложив руки на груди. Здесь так же ко всему относятся. Этот город, где

все только и делают, что всё записывают, а потом постоянно предлагают купить идеи... что ж, в некотором смысле это место похоже на целый город Виндлей.

Мрак приказал своим охотникам найти того, кто совершает странные дела, потрясные дела. А в этом городе записывают, что дети ели на завтрак. Если кто-нибудь заметит нечто странное, то непременно запишет.

Лифт пробежалась по саду, касаясь лоз босыми ногами. Лозы убирались прочь. Она вскочила на скамейку рядом с намеченной целью — пожилой женщиной. Верхняя часть ее коричневой шиквы была обернута так, что виднелось накрашенное лицо и аккуратная прическа.

Женщина тут же сморщила нос. Ну уж нет, Лифт купалась с неделю назад в Азире, с мылом и всем, что полагается.

— Кыш! У меня нет для тебя денег, — брезгливо помахала женщина пальцами. — Кыш! Пошла прочь.

— Мне не нужны деньги, — заверила Лифт. — Я хочу заключить сделку. За информацию.

— Мне ничего от тебя не нужно.

— А мне и дать нечего. У меня это хорошо получается. Я уйду и ничего вам не дам. Просто ответьте на вопрос.

Лифт неподвижно ссутулилась на скамье, потом почесала зад. Женщина завозилась, словно собралась уходить, и Лифт наклонилась к ней.

— Ты не соблюдаешь предписания для попрошайек, — возмутилась женщина.

— Я не прошу. Я торгуюсь.

— Хорошо. И что ты хочешь знать?

— Есть ли в городе место, куда складывают всю писанину для сохранности?

Нахмурившись, женщина указала вдаль, на похожее на холм сооружение в центре города. Оно было таким большим, что возвышалось надо всем вокруг и даже выглядывало за стены-расселины.

— Что-то наподобие Верховной Дирекции? — спросила женщина.

Моргнув, Лифт склонила голову набок.

Женщина не упустила возможности перебраться в другую часть сада.

— Это все время было там? — поинтересовалась Лифт.

— Э, да, — ответил Виндль. — Конечно.

— Правда? — Она почесала затылок. — Хм.

Лозы Виндля взвились по стене переулка, и Лифт полезла наверх, не беспокоясь, что привлекает лишнее внимание. Перебравшись через край стены, она оказалась на поле. Фермеры посматривали в небо и ворчали. Времена года сошли с ума. Дождь должен был лить не переставая — скверное время для посадки растений, так как вода вымывает семенную пасту, однако вот уже много дней сухо: ни бурь, ни дождя.

Лифт шла мимо фермеров, размазывающих пасту. Из нее прорастут крошечные полипы, которые в конце концов достигнут размеров большого бульжника и до отказа заполнятся зерном. Если это зерно раздавить, не важно, руками или во время бури, получится новая паста. Лифт постоянно задавалась вопросом, почему съеденные полипы не выросли внутри желудка, но никто так и не дал ей толковый ответ.

Озадаченные фермеры работали, подтянув шиквы повыше. Лифт, проходя мимо, пыталась прислушиваться. Пыталась услышать.

Обычно в это время года им не нужно работать. Разумеется, они все равно сажали в трещинах треб, который мог пережить наводнение, но никак не лавис, талью или клему — гораздо более трудоемкие, но и более урожайные культуры.

И все же они сеяли. А если завтра пойдет дождь и смоеет все их усилия? А если дождя вообще больше никогда не будет? Городских цистерн, до краев наполненных водой после недели Плача, не хватит навечно. Люди так беспокоились, что Лифт заметила нескольких спренов страха — шариков фиолетовой слизи, собравшихся вокруг холмиков, в которые сажали растения.

Будто им наперекор, от растущих полипов отделились спрены жизни. Кружась и переливаясь зеленым, пылинки увязались следом за Лифт. Впереди, словно лысая голова над спинкой кресла, возвышалась Верховная Дирекция — огромная округлая глыба камня.

Вся жизнь в городе так или иначе вращалась вокруг этой точки. Даже улицы, закручиваясь, вели к ней. Подойдя ближе, Лифт увидела, что вокруг Дирекции вырезан в камне громадный участок. Смотреть там было особо не на что, но круглый каменный холм казался надежно защищенным от бурь.

— И правда, отсюда земля расходится под уклоном, — отметил Виндль. — В любом случае это самая высокая точка города. Думаю, потому этот бугор и превратили в крепость.

Крепость для книг. Иногда люди такие странные. К строению вели многочисленные спиральные подъемы, и толпа впереди, в основном ташиккцы, текла наружу и внутрь.

Лифт уселась на краю стены, свесив ноги.

— С виду похоже на кончик причиндалов какого-нибудь парня. Типа у него такой короткий «меч», что все его пожалели и сказали: «Эй, а поставим-ка в его честь огромный монумент! И пусть он крошечный, в таком виде будет выглядеть сногсшибательно!»

Виндль вздохнул.

— Это не грубость, — подчеркнула Лифт. — Должно было выйти поэтично. Старина Седовласый утверждал, что нельзя считаться грубияном, пока говоришь об искусстве. В этом случае ты — утонченная натура. Вот почему развешивать во дворце картины с голыми леди — это нормально.

— Госпожа, не тот ли это человек, что сам прыгнул марабетийскому большепанцирнику в глотку?

— Ага. Такой же безумный, как ящик пьяных норок. Я по нему скучаю.

Лифт нравилось думать, будто на самом деле его не съели. Он подмигнул ей, когда, поразив зевак, сиганул в разинутую пасть большепанцирника.

Виндль свернулся кольцом, изобразив лицо: глаза из кристаллов, губы из крошечной сеточки побегов.

— Госпожа, какой у нас план?

— План?

Он снова вздохнул.

— Нам нужно попасть в это здание. Вы собираетесь сделать первое, что в голову взбредет?

— Естественно.

— Могу я внести предложение?

— Только если не потребуется высасывать чью-то душу, пустоносец.

— Я не... В общем, госпожа, это здание — архив. Насколько я знаю эту страну, комнаты завалены законопроектами, отчетами и докладами. Тысячи и тысячи документов.

— Ага. — Лифт сжала кулак. — Среди всего этого наверняка найдутся записи о чем-нибудь странном!

— И как именно мы отыщем интересующую нас информацию?

— Легко. Ты их прочтешь.

— Прочту?..

— Ага. Мы заберемся внутрь, ты прочтешь книги и все остальное, и мы определим, какие события были странными. Это приведет нас к закуске Мрака.

— Прочту все, значит.

— Ну да.

— Вы хоть примерно представляете, сколько информации там содержится? Сотни тысяч отчетов и журналов. И чтобы прояснить все до конца, да, это число больше десяти, так что сосчитать вы не сможете.

— Я же не дура, — огрызнулась Лифт. — У меня еще и на ногах пальцы есть.

— Все равно это гораздо больше, чем я могу прочитать. Нельзя просеять столько информации. Это невозможно. Ни за что.

Лифт вперилась в него взглядом.

— Ну ладно. Может, добудем тебе одну душу. Например, сборщика налогов... правда, их и людьми назвать сложно. Думаешь, сработает? Или таких нужно шгуки три, чтобы получилась одна нормальная человеческая душа?

— Госпожа! Я не пытаюсь торговаться!

— Да ладно. Всем известно, что пустоносцы любят выгодные сделки. Может, нужна важная персона? Или подойдет любой тупой паренек, которого никто не любит?

— Я не питаюсь душами! — воскликнул Виндль. — Я с вами не торгуюсь! Я лишь констатирую факты. Я не могу прочитать все документы в архиве! Как вы не понимаете, что...

— Ой, усики попроще сделай. — Лифт болтала ногами, постукивая пятками по стене. — Я тебя слышу. Как тут не услышать, когда ты так ноешь.

Позади фермеры интересовались, чья это дочь и почему не бегают им за водой, как все остальные дети. Наморщив лоб, Лифт размышляла вслух:

— Нельзя дожидаться ночи, чтобы пробраться внутрь. Мрак хочет убить беднягу еще

засветло. И спорим, эти писцы работают по ночам, лишь бы чернила исписать. Зачем спать, когда можно состряпать новый закон о том, сколькими пальцами разрешается держать ложку?

Хотя, дело свое они знали — продавали писанину повсюду. Визири постоянно отправляли им запросы, в основном про новости в мире.

Лифт ухмыльнулась и встала.

— Ты прав. Мы пойдем другим путем.

— Еще бы.

— Нужно действовать умнее. Коварнее. Думать, как пустоносец.

— Я не говорил...

— Перестань ныть. Я собираюсь стащить какую-нибудь важную на вид одежду.

Лифт нравились мягкие ткани. Азирские накидки и мантии были одежным подобием нежного пудинга. Приятно вспомнить, что в жизни попадают не одни только колочки. Иногда в ней появляются мягкие подушки и воздушные пирожные, добрые слова, мать.

Мир никогда не будет совсем уж никчемным, пока в нем есть мягкая одежда. Наряд был ей велик, но ничего страшного. Так даже лучше, когда свободнее. Завернувшись в накидку, Лифт уютно устроилась в кресле, скрестив руки на коленях, с шапочкой на голове. По всему наряду разбежались яркие узоры, означавшие очень важные вещи. В этом она не сомневалась, потому что о своих узорах все азирцы болтали без умолку.

Письмоводительница оказалась жирной. Наверное, чтобы одеться, ей понадобилось три шиквы. Или шиква, сшитая на лошадь. Лифт никогда бы не подумала, что писцов так хорошо кормят. Зачем им столько сил? Перья ведь легкие.

Женщина носила очки и скрывала лицо, пусть и находилась в землях под защитой Таши. Она постучала пером по столу.

— Вы из дворца в Азире.

— Ага, подруга императора, — ответила Лифт. — Я зову его Гоксом, но ему сменили имя. Ничего страшного, Гокс — имя глуповатое, а ведь никто не хочет, чтобы имя императора звучало глупо. — Она склонила голову набок. — Правда, когда он открывает рот, с его словами ничего не поделаешь.

Рядом на полу тихонько застонал Виндль.

— А вы знали, — Лифт заговорщически наклонилась ближе, — что специальный человек ковыряет за него в носу?

— Юная леди, уверена, вы зря тратите мое время.

— Это довольно обидно. — Лифт выпрямилась. — Учитывая, что никто здесь почти ничего не делает.

Это было сущей правдой. Целое здание писцов, которые сновали взад-вперед и перекладывали груды бумаг с полки на полку. Здесь даже появлялся спрен, которого Лифт видела всего пару раз в жизни: он походил на рябь в воздухе, как от дождевых капель на поверхности пруда, только без дождя и без пруда. Виндль называл таких спрепами сосредоточенности.

В любом случае здесь так много бумаг, что, голод побери, нельзя было обойтись без паршунов с тележками! Один как раз прошел по коридору — женского пола, с большой коробкой бумаг. Бумаги предназначались одному из несметного числа писцов, что сидели за столами, окруженные мерцанием даль-перьев. Виндль сказал, что они отвечали на запросы со всего мира, передавая информацию.

Собеседница Лифт была чуть выше рангом. Лифт попала в комнату, поступив так, как предложил Виндль, — не говоря ни слова. Визирь тоже так делали — просто молча кивали.

На входе она предъявила карточку, куда перерисовала слова, которые Виндль изобразил побегам. Писцы стушевались и без лишних вопросов провели ее по коридорам в эту комнату — больше остальных, но все же без единого окна. Впрочем, на белой стене виднелось желтовато-коричневое пятно, и можно было вообразить, будто это солнечный свет.

На другой стене висела полка с очень длинной подставкой для даль-перьев. Позади —

несколько азирских гобеленов. Письмоводительница оказалась кем-то вроде ответственной за общение с правительством Азира.

Попав в комнату, Лифт была вынуждена заговорить: больше нельзя этого избегать, нужно просто выглядеть убедительной.

— Какого несчастного вы ограбили, чтобы заполучить эту одежду? — спросила толстуха.

— Еще скажите, сняла прямо на ходу. — Лифт закатила глаза. — Слушайте, просто возьмите одно из этих светящихся перьев и напишите во дворец. Тогда мы сможем перейти к важным делам. Мой пустоносец говорит, у вас тут куча бумаг, которые нам нужно просмотреть.

Письмоводительница поднялась. Лифт показалось, что кресло едва не издало вздох облегчения. Женщина пренебрежительно указала на дверь, но в этот миг вошел младший писец, высокий и худой, в желтой шикве и странной желто-коричневой шапочке. Он что-то прошептал женщине на ухо.

На ее лице отразилось недовольство. Вошедший неловко пожал плечами и поспешил удалиться. Толстуха повернулась к Лифт.

— Назовите имена визирей, которых вы знаете во дворце.

— Ну, есть Балаболка — у нее смешной нос, похожий на краник. И Большой А, не могу выговорить его настоящее имя. Звучит, словно кто-то подавился. И Папаша Вислозад, он не совсем визирь, его называют отпрыском. Тоже важный, но по-другому. А! И Пухлогубка! Она у них главная. На самом деле губы у нее не пухлые, просто она терпеть не может, когда я ее так зову.

Женщина уставилась на Лифт. Затем развернулась и направилась к двери.

— Ждите здесь. — И вышла.

— Ну как я? — спросила Лифт, наклонившись к полу.

— Ужасно, — ответил Виндль.

— Ага, заметно.

— Согласитесь, умение вести разговор вежливо, как вам настойчиво советовали визири, сейчас бы весьма пригодилось.

— Чепуха! — Лифт подошла к двери и прислушалась.

Снаружи едва слышно переговаривались писцы.

— ...соответствует описанию, полученному от капитана службы по переселенцам, вместе с приказом обыскать город... — говорил один. — Она заявила прямо сюда! Мы послали за капитаном — она, по счастливой случайности, здесь с докладом.

— Проклятье, — прошептала Лифт, отшатнувшись. — Нас раскусили, пустоносец.

— Не надо было помогать вам в этой безумной затее!

Лифт подошла к подставке с даль-перьями. На всех были пометки.

— Иди сюда и скажи, какое нам нужно.

Виндль взвился по стене и ощупал побегими плашки.

— Ну и ну, это важные даль-перья. Посмотрим... третье отсюда связано с писцами в императорском дворце.

— Отлично.

Лифт схватила даль-перо и взобралась на стол. Поместив его в нужное место на дощечке, — она сто раз такое видела — повернула рубин на кончике пера. Ответ пришел сразу же: дворцовые писцы редко отлучались от своих перьев. Они скорее позволят отрубить

себе пальцы.

Лифт приложила даль-перо к бумаге.

— Э-э...

— Пресвятая Культивация! — воскликнул Виндль. — Вы меня совсем не слушали?

— Не-а.

— Скажите, что хотите сообщить.

Она проговорила, и Виндль снова изобразил побегими на столе нужные очертания букв. Зажав перо в кулаке, Лифт скопировала слова, по одной дурацкой букве за другой. На это ушла целая вечность. Ну и нелепица вся эта писанина. Почему нельзя просто поговорить? Зачем изобретать способ, при котором, чтобы сказать кому-то, что делать, нельзя его увидеть?

«Это Лифт, — написала она. — Передайте Пухлогубке, что она мне нужна. Я в беде. И кто-нибудь, позовите Гокса, если у него не ковыряют в носу прямо...»

Дверь открылась. Лифт, взвизгнув, повернула рубин и соскочила со стола.

За дверью оказалось целое сборище: пять писцов, в том числе толстуха, и трое стражников, причем одним из них была женщина, командовавшая сторожевым постом в городе.

«Бури! — пронеслось в голове у Лифт. — Быстро они».

Она бросилась прямо на них.

— Осторожно! — закричала стражница. — Она изворотливая!

Лифт призвала потрясность, но стражница поспешила впихнуть писцов в комнату. Лифт с легкостью проскользнула у них между ног, но врезалась в успевшую захлопнуться дверь.

Стражница попыталась ее схватить. Лифт завопила, полностью покрывая себя потрясностью, и потому, когда ее сцапали, азирская накидка со свободными рукавами слетела. Лифт осталась в юбке-балахоне поверх брюк и простой сорочке.

Она носилась по всей комнате, но та была небольшой. Попыталась пробраться вдоль стены, но капитан оставалась настороже.

— Госпожа! — запричитал Виндль. — О, госпожа, не позволяйте себя заколоть! Слышите? Постарайтесь, чтобы вас не ударили ничем острым! И тупым тоже!

Лифт зарычала, глядя, как в комнату, быстро прикрыв за собой дверь, протиснулись остальные стражники. Один, крадучись, попытался зайти сбоку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она дернулась в одну сторону, в другую, врезалась в полку с даль-перьями. Несколько штук упали, и письмоводительница завопила.

Лифт юркнула к двери. Капитан стражи перехватила ее, остальные навалились сверху.

Сделав себя потрясной, Лифт начала извиваться, стараясь выскользнуть из чужих пальцев. Нужно только...

— Таши, Бог Богов и Связыватель мира! — прошептала письмоводительница. Над ее головой кольцом синего дыма вспыхнул спрен благоговения.

Лифт вырвалась из хватки стражников, вскочив одному на спину. Отсюда был виден стол. Даль-перо выводило текст.

— Долго же они собирались. — Она спрыгнула со стражника и уселась в кресло.

Выругавшись, стражница нависла над ней сзади.

— Капитан, остановитесь! — воскликнула толстуха. Она взглянула на тощего писца в

желтом. — Сходи за еще одним даль-пером для связи с азирским дворцом. Нет, неси два! Нам нужно подтверждение.

— Для чего? — спросил писец, подходя к столу. К ним присоединилась капитан стражи, читая то, что выводило перо.

Все трое медленно подняли головы и вытаращились на Лифт.

— «Для всех, кого это касается, — прочитал Виндль, раскинув побеги над листком бумаги на столе, — я, Верховный Акасикс Янагон Первый, император всех макабаки, постановляю, чтобы молодой девушке, известной под именем Лифт, оказывались всяческие почести и уважение. Вы будете подчиняться ей, как подчинялись бы мне, и заносить на императорский счет любые траты, которые понесете в связи с ее... набегом на ваш город. Ниже приводятся описание девушки и два вопроса для подтверждения личности, на которые может ответить только она. Учтите, если ей причинят вред или воспрепятствуют любым способом, вы познаете императорский гнев».

— Спасибо, Гокс. — Лифт глянула на писцов и стражников. — Это значит, вы должны делать все, что я скажу!

— И... чего же вы хотите? — спросила толстуха.

— Зависит от того, что у вас сегодня на обед.

Три часа спустя, напялив шапочку тощего писца, Лифт сидела в центре стола толстухи-письмоводительницы и руками ела блинчики.

На полу перед ней рой младших писцов просматривал отчеты. Книги были разбросаны повсюду, словно расколотые панцири крабов после знатной пирушки. Даль-перо выводило концовку послания от Гокса, а толстуха-письмоводительница стояла рядом и зачитывала его. Женщина наконец опустила лицевую часть шиквы. Выяснилось, что она симпатичная и гораздо моложе, чем думала Лифт.

— «Лифт, я обеспокоен, — читала толстуха. — Мы все обеспокоены. С запада постоянно приходят донесения. В Стине и Альме видели новую бурю. Она в точности такая, как ее описывал военачальник алети, — с красными молниями, несется с другой стороны».

Женщина подняла взгляд:

— Насчет этого он прав, э-э...

— Говорите-говорите, — потребовала Лифт.

— Ваше блиночество.

— Прямо с языка слетает, правда?

— Его императорское превосходительство прав насчет приближения необычной бури. Есть независимые подтверждения из Ири и Шиновара. Огромная буря с красными молниями надвигается с запада.

— А чудовища? — спросила Лифт. — Твари с красными глазами в темноте?

— Повсюду царит хаос, — ответила письмоводительница — ее звали Генна. — Мы не получаем прямых ответов. Были кое-какие намеки в докладах с восточного побережья — буря ударила там прежде, чем достигла океана. Большинство сошлись во мнении, что отчеты преувеличивают, и буря сойдет на нет сама собой. Однако теперь она обогнула планету и ударила с запада... По имеющимся данным князь готовит диктат о чрезвычайном положении для всей страны.

Лифт посмотрела на Виндля, свернувшегося рядом на столе.

— Пустоносцы, — едва слышно произнес он. — Это случилось. Святая добродетель... Опустошения вернулись...

Генна продолжила читать сообщение от Гокса:

— «Грядет катастрофа, Лифт. Никто не готов к буре, которая приходит с другой стороны. Однако с этими алети не знаешь, что и хуже. Откуда им так много известно о ней? Может, этот их военачальник и призвал ее?»

Генна опустила листок.

Лифт жевала блинчик. Этот был плотный, с пастой-пюре внутри, слишком липкой и соленой. Еще тут был блинчик, посыпанный маленькими хрустящими семенами. Ни тот, ни другой не могли сравниться с двумя другими разновидностями, которые она попробовала за последние часы.

— Когда она ударит?

— Буря? Сложно сказать, но, судя по большинству докладов, она медленнее великих бурь. Возможно, часа через три-четыре достигнет Азира и Ташикка.

— Напишите Гоксу вот что, — сказала Лифт между укусами. — «Здесь вкусная еда. Куча разных блинчиков. Одни начиняют сахаром».

Письмоводительница помедлила.

— Пишите, иначе заставлю вас называть меня еще более глупыми титулами.

Генна вздохнула, но подчинилась.

— «Лифт, сейчас не время для пустой болтовни о еде», — прочитала она, когда дальперо вывело очередную строку от Гокса.

Несомненно, вокруг него собралось не меньше пятнадцати визирей и отпрысков, и все они наперебой советовали, что сказать, и записывали, когда он соглашался.

— Самое время, — ответила Лифт. — Не стоит забывать: может, буря и надвигается, но людям по-прежнему нужно есть. Завтра настанет конец света, а на следующий день они спросят, что на завтрак. Это твоя работа.

— «А как же рассказы о том, что хуже бури? — пришел ответ. — Алети предупреждают о паршунах, и я делаю, что могу, в столь сжатые сроки. Но как насчет пустоносцев в буре?»

Лифт оглядела комнату, полную писцов.

— Я над этим работаю.

Пока Генна записывала ее последние слова, Лифт поднялась и вытерла руки о свою роскошную накидку.

— Эй, умники. Чего нарыли?

Писцы подняли головы.

— Госпожа, мы даже не представляем, что ищем, — произнес один.

— Всякие странности!

— «Странности» какого рода? — спросил писец в желтом. Тощий и высокий, без шапочки он выглядел лысеющим и глуповатым. — В городе каждый день происходит что-то необычное! Вам нужен отчет о человеке, который заявляет, что у него дома родился поросенок с двумя головами? Или о человеке, который уверяет, что узрел лик Яэзира в лишайнике на стене? О женщине, которая предчувствовала, что ее сестра упадет, и та упала?

— Не-а, — отмахнулась Лифт, — это нормальные странности.

— Что же тогда ненормальные странности? — с раздражением спросил он.

Лифт засветилась. Она призвала потрясность — так много, голод побери, что ее кожа начала излучать сияние, словно сфера.

Рядом из семян на нетронутом блинчике проросли длинные вьющиеся побеги. Переплетаясь между собой, они выпустили листочки.

— Что-то типа этого, — сказала Лифт и бросила взгляд в сторону. Ну вот, испортила блинчик.

Писцы уставились на нее с благоговением, пришлось громко хлопнуть в ладоши, чтобы они вернулись к работе. Виндль вздохнул, и она догадывалась, о чем он подумал. Три часа, и до сих пор ничего дельного. Да уж, он был прав — в этом городе записывали все происшествия. В этом вся проблема — записывали все подряд.

— Еще одно сообщение от императора, — сказала Генна. — Э-э, ваше блиноч... Бури, как глупо звучит.

Лифт ухмыльнулась и посмотрела на бумагу. Слова выводились текучим, изящным почерком. Скорее всего, Пухлогубка.

— «Лифт, ты вернешься? — прочитала Генна. — Мы по тебе скучаем».

— Даже Пухлогубка? — спросила Лифт.

— «Визирь Нура тоже по тебе соскучилась. Лифт, теперь это твой дом. Тебе больше не нужно жить на улицах».

— И что я буду делать, если и правда вернусь?

— «Все, что захочешь, — написал Гокс. — Обещаю».

В этом и была проблема.

— Я еще не решила, как поступлю, — ответила она, чувствуя себя необъяснимо одинокой, несмотря на полную народу комнату. — Посмотрим.

При этих словах Генна бросила на нее взгляд. Она явно считала, что император Азира должен получать все, что захочет, и маленькие девочки реши не должны иметь привычку ему перечить.

Дверь приоткрылась, внутрь заглянула капитан городской стражи. Лифт соскочила со стола, подбежала и подпрыгнула посмотреть, что у нее в руках. Доклад. Бесподобно, еще больше писанины.

— Что вы обнаружили? — с нетерпением выпалила Лифт.

— Вы правы, один из моих коллег из квартальной стражи наблюдал за приютом «Свет Таши». Женщина, которая там всем заправляет...

— Карга, — перебила Лифт. — Та еще жмотяра. Ест детские косточки на полдник. А в гляделки может переиграть даже нарисованный портрет.

— ...под подозрением. Она запустила какую-то схему по отмыванию денег, но ничего не ясно. Заметили, что она обменивает сферы себе в ущерб. Без другого источника доходов это привело бы к банкротству. Из доклада следует, что она принимает деньги от преступных организаций в качестве пожертвований и тайно передает их другим группам, взяв свой процент, помогая таким образом замести следы происхождения сфер. И это далеко не все. Так или иначе, дети служат ей прикрытием.

— Я же говорила. — Лифт выхватила доклад. — Ее надо арестовать, а все деньги потратить на суп. Отдадите мне половину за наводку, и я ничего никому не скажу.

Брови стражницы поползли вверх.

— Можем все записать, если хотите, — добавила Лифт. — Оформим официально.

— Я буду игнорировать предложения подкупа, принуждения, вымогательства и хищения государственной собственности, — отозвалась капитан. — Что касается приюта, он вне сферы моих полномочий, но уверяю, мои коллеги очень скоро займутся этой... Каргой.

— И то хорошо. — Лифт забралась обратно на стол и обратилась к своей армии писцов. — Так что вы обнаружили? Кто-нибудь светится, словно сама святая добродетель или что-нибудь наподобие?

— На нас без предупреждения свалили слишком тяжелую задачу! — пожаловалась толстуха-письмоводительница. — Госпожа, такого рода исследования требуют месяцы работы. Дайте три недели, и мы подготовим детальный отчет!

— У нас нет трех недель. У нас меньше трех часов.

Хотя разницы никакой. Лифт пыталась задабривать, угрожать, танцевать, предлагала взятку и в качестве крайней, безумной меры даже сохраняла полную тишину, позволяя им читать. Время ускользало, а они не нашли ничего и вместе с тем нашли все что угодно. В отчетах стражи была масса непонятных странностей: история о человеке, выжившем при падении с невероятной высоты, жалоба на странный шум за окнами одной женщины, спрены снаружи дома другой женщины, каждое утро ведущие себя странно, пока та не выставит миску сладкой воды. Тем не менее в каждом из случаев был всего один свидетель, и стража списывала все на досужие домыслы.

Каждый раз, как обнаруживали очередную странность, Лифт тянуло броситься к двери

или протиснуться через окно и побежать искать нужного человека. Каждый раз Виндль убеждал набраться терпения. Если все донесения правдивы, то любого в городе можно считать связывателем потоков. Что, если она погонится за одним из сотни случаев, выдуманных из простого суеверия, потратит часы, но ничего не найдет?

Впрочем, именно так пока все и обстояло. Она сгорала от раздражения и нетерпения, да еще и блинчики кончились.

— Мне очень жаль, госпожа, — сказал Виндль, когда они отвергли отчет о веденке, заявившей, что ее ребенка «сам Таши благословил родиться с кожей светлее, чем у отца, чтобы проще ладить с чужестранцами». — Не думаю, что найдется более очевидный признак, чем все предыдущие. Чувствую, придется просто выбрать один и понадеяться на удачу.

В последнее время Лифт ненавидела удачу. Было все сложнее убеждать себя в том, что она еще не достигла несчастливого возраста. На удачу Лифт больше не полагалась, даже обменяла свою счастливую сферу на кусок свиного сыра.

Чем больше она размышляла об этом, тем больше ей казалось, что потрясность и удача — противоположные вещи. К одной ты прилагаешь усилия, другая от твоих действий не зависит.

Конечно, это не значит, что удачи не существует. Веришь либо в нее, либо в то, о чем твердят воринские жрецы, — что беднякам предназначено быть бедными, поскольку они слишком глупые, чтобы попросить Всемогущего помочь им родиться с кучей сфер.

— Так что нам делать? — спросила Лифт.

— Выбрать один из отчетов, полагаю, — предложил Виндль. — Любой. Кроме, пожалуй, того про ребенка. Мне кажется, мать не совсем честна.

— Да ладно!

Лифт окинула взглядом разбросанные документы — документы, которые она не могла прочитать. В каждом содержался подробный отчет о непонятной странности. Бури, выбери правильный — и спасешь жизнь, может, даже найдешь такого же, как ты сама. Выбери не тот, и Мрак с прислужниками казнят невинного. По-тихому, без свидетелей, никто потом и не вспомнит.

Мрак. Она вдруг его возненавидела, причем с такой лютой яростью, что сама ужаснулась. Лифт не помнила, чтобы раньше вообще хоть кого-то ненавидела. Но вот его... Казалось, эти ледяные глаза лишены всех эмоций. Она ненавидела его не столько за убийства, сколько за то, что совершал он их без малейшего чувства вины.

— Госпожа, который выбрали? — спросил Виндль.

— Не могу выбрать, — прошептала она. — Не знаю как.

— Просто возьмите один отчет.

— Не могу. Я не выбираю, Виндль.

— Вздор! Вы делаете это каждый день.

— Нет. Я только... — Она следовала за ветрами. Принимая решение, берешь на себя обязательства. Все равно что говоришь, мол, это правильно.

Дверь в комнату распахнулась. Внутри ворвался вспотевший, запыхавшийся стражник, которого Лифт не узнала.

— Диктат пятого уровня срочности от князя, подлежит немедленному обнародованию. В городе объявлено чрезвычайное положение. Ожидается, что буря с неправильной стороны ударит в течение двух часов. Всем предписывается покинуть улицы и перейти в убежища.

Паршунов заключить под стражу или выгнать в бурю. Князь объявляет эвакуацию с улиц Йеддо и других городов в расселинах и приказывает государственным служащим докладывать о положении дел в закрепленных за ними убежищах, вести учет горожан, следить за порядком и улаживать разногласия. Копии диктата распространить и развесить в каждом пункте сбора.

Писцы в комнате оторвались от работы и немедленно начали упаковывать книги и своды отчетов.

— Стойте! — крикнула Лифт, когда гонец ушел. — Что вы делаете?

— Ваш приказ только что отменили, дитя, — сказала Генна. — Ваше исследование придется отложить.

— Надолго?

— Пока князь не решит отменить чрезвычайное положение. — Она быстро собирала даль-перья с полки и упаковывала их в стеганый чехол.

— А как же император?! — Лифт схватила послание от Гокса и затрясла им. — Он приказал помогать мне!

— Мы с радостью поможем вам добраться до убежища, — ответила капитан стражи.

— Мне нужна помощь с моим делом! Он приказал вам слушаться!

— Разумеется, мы слушаем императора, — сказала Генна. — И впредь будем внимательно слушать.

Но не обязательно подчиняться. Визири объясняли, что Азир может провозгласить себя империей, и большинство других стран в регионе ему подыграют. Так можно подыграть ребенку, который во время игры в кольца объявляет себя капитаном команды. Однако, как только его требования становятся непомерными, он рискует остаться в одиночестве посреди переулка.

Писцы действовали весьма подготовленно. Прошло не так уж много времени, прежде чем они вывели Лифт в коридор, нагрузили кипой отчетов и разбежались выполнять различные обязанности. Ее оставили с одной из младших письмоводительниц, не намного старше самой Лифт, которая должна была проводить ее до убежища.

Лифт смылась от девочки на первой же развилке, юркнув в боковой коридор, пока юная письмоводительница рассказывала о чрезвычайном положении старому осоловевшему ученому в коричневой шикве. Лифт сбросила прекрасную азирскую накидку, запихнула ее в угол, оставшись в штанах, сорочке и рубашке нараспашку, и направилась в менее людную часть здания. В просторных коридорах кричали друг на друга писцы. Она не ожидала столько шума от кучки сморщенных стариков и старух с чернилами вместо крови.

Здесь было темно, и Лифт пожалела, что обменяла свою счастливую сферу. Коридоры различались между собой азирскими узорами на ковровых дорожках, но и только. По стенам тянулись ряды сферных ламп, но заряженная сфера светилась только в каждой пятой. И каждая давно изголодалась по буресвету. Лифт потратила целую минуту на одну из ламп, распахывая задвижку, но та была заперта на совесть.

Лифт пошла дальше по коридору, заглядывая в забитые бумагами комнаты. Книжных полок оказалось меньше, чем она ожидала. В отличие от библиотеки здесь у стен стояли выдвижные ящики, в которых и хранились стопки документов.

Чем глубже в здание она забиралась, тем тише становилось, пока не начало казаться, будто идешь по мавзолею, только для деревьев. Отчеты она скомкала и запихнула в карман. Их было так много, что засунуть в карман еще и руку уже не получалось.

— Госпожа, — позвал Виндль с пола. — У нас мало времени.

— Я думаю, — ответила она.

Это было ложью. Она старалась избегать размышлений.

— Жаль, что план не сработал, — добавил Виндль.

Лифт пожала плечами.

— Все равно тебе здесь не нравится. Тебе нравится садоводство.

— Да, у меня в планах была милейшая выставка обуви, но... полагаю, мы не вправе разводить сады, когда мир на пороге конца света. И если бы меня приставили к тому доброму сапожнику, меня бы здесь не оказалось. И Сияющий, которого вы пытаетесь спасти, был бы, считай, покойником.

— Скорее всего, он и так, считай, покойник.

— И все же... все же стоит попытаться, правда?

Дурацкий пустоносец со своими подбадриваниями. Она взглянула на него и вытряхнула из кармана комки бумаги.

— От них никакого толку. Нам нужен новый план.

— И времени в запасе гораздо меньше. Закат приближается вместе с бурей. Что будем делать?

Лифт выбросила бумажки.

— Кто-то должен знать, куда идти. Женщина, которая разговаривала с Мраком, его ученица, сказала, что ее расследование не стоит на месте. Говорила она уверенно.

— Ха, вы же не думаете, что к ее расследованию привлечена кучка писцов, разгребаящих отчеты?

Лифт склонила голову набок.

— Это было бы умно, — произнес Виндль. — В смысле, даже мы до такого додумались.

Ухмыльнувшись, Лифт побежала обратно, туда, откуда пришла.

— Да, — подтвердила толстуха-письмоводительница, растерявшись после просмотра учетной книги. — Это отдел Бидлела, комната двести тридцать два. Описанная вами женщина наняла их две недели назад для неизвестного проекта. Мы очень серьезно относимся к неразглашению информации о наших клиентах. — Вздохнув, она закрыла книгу. — Императорские полномочия — исключение.

— Спасибо. — Лифт крепко обняла женщину. — Спасибо-спасибо-спасибо-спасибо.

— Хотела бы я знать, что все это значит. Бури... думаешь, что именно тебе рассказывают все подряд, но меня не покидает чувство, что даже короли пасуют, если против них ополчился мир. — Она покачала головой и посмотрела на Лифт, которая до сих пор ее обнимала. — Я направляюсь в закрепленный за мной пункт сбора. Вам стоит поискать укрытие.

— Конечно-всенепременно-пока. — Лифт отпустила ее и понеслась в комнату с отчетами в противоположном от буреубежища направлении.

Генна выглянула в коридор.

— Бидлел уже эвакуировался! Дверь будет заперта! — Помедлив, добавила: — Поаккуратнее там!

— Пустоносец, можешь найти номер, который она сказала? — бросила Лифт на бегу.

— Могу.

— Отлично. Ведь столько пальцев у меня нет.

Они неслись по похожей на пещеру, уже опустевшей Дирекции. Спустя всего полчаса после издания диктата — Виндль отслеживал время — все были на пути к выходу. Перед бурей горожане запирали двери или направлялись в безопасные места. У кого нормальные дома, пересидят в них, беднякам оставалось идти в убежища.

Несчастные паршуны. Здесь их не так много, как в Азимире, но по приказу князя всех собрали и выгнали на поживу буре. По мнению Лифт, это было ужасно несправедливо.

Впрочем, никто не слушал ее жалобы по этому поводу. И Виндль полагал, что паршуны могут превратиться в пустоносцев. А ему виднее.

И все равно несправедливо. Она бы не оставила Виндля снаружи. Пусть он и заявляет будто это не причинит им вреда.

Виндль провел Лифт на два этажа вверх, затем начал отсчитывать комнаты. Крашенный пол на этом этаже был деревянным, и Лифт чувствовала себя немного странно. Деревянный пол. А вдруг он проломится и они провалятся вниз? Деревянные постройки всегда казались ей непрочными, поэтому на всякий случай она ступала осторожно. Пол...

Лифт нахмурилась и, присев, посмотрела по сторонам. Что за звуки?

— Двести двадцать один... — бормотал Виндль. — Двести двадцать два...

— Пустоносец, заткнись! — прошипела она.

Изогнувшись, он вполз на стену. Лифт прижалась к ней спиной, нырнула за угол в боковой коридор и снова прижалась к стене.

По коврику затопали сапоги.

— Поверить не могу, что ты называешь это зацепкой, — раздался женский голос. Лифт узнала по нему ученицу Мрака. — Ты точно служил стражником?

— В Йезире все по-другому, — огрызнулся мужчина. Это был второй ученик. — Здесь

люди слишком уклончивые. Никогда не говорят прямо.

— Ты ждешь кристальной ясности от ташиккского осведомителя?

— Конечно. Это же его работа.

К счастью, оба прошли мимо и не посмотрели в боковой коридор, где притаилась Лифт. Бури, эта форма производила впечатление: высокие сапоги, строгие мундиры на восточный манер, длинные перчатки с отворотами. словно генералы на поле боя.

Лифт так и хотелось проследить за ними, но она заставила себя выждать.

И не зря, спустя пару мгновений по коридору бесшумно прошел человек — убийца в рваных одеяниях, с опущенной головой и огромным мечом на плече, должно быть, осколочным клинком.

— Не знаю, меч-ними, — тихо говорил он. — Я больше не доверяю собственному разуму.

Он остановился, будто прислушиваясь.

— Что не обнадеживает, меч-ними. Нет, совсем не...

Убийца медленно последовал за подельниками, оставляя в воздухе бледный светящийся послеобраз, едва заметный и гораздо менее резкий, чем в логове Мрака.

— О, госпожа, — Виндль придвинулся ближе, — я от страха чуть дух не испустил! Когда он остановился, я был уверен, что он меня видит!

По крайней мере, в коридорах темно — сферы в лампах почти разрядились. Нервничая, Лифт скользнула в главный коридор и пошла за учениками Мрака. Они остановились у нужной двери, один достал ключ. Лифт ожидала, что они перевернут все вверх дном, но, разумеется, в этом не было нужды — полномочия у них законные.

Впрочем, у нее тоже. Даже не верится.

Ученики Мрака вошли в комнату. Убийца в Белом остался снаружи — уселся на пол напротив входа, положив на колени необычный осколочный клинок. Парень почти не двигался, а если шевелился, то оставлял после себя тающий послеобраз.

Лифт снова спряталась в боковом коридоре, прижавшись спиной к стене. Где-то в дальней части Верховной Директивности разносились крики, призывающие людей к порядку.

— Мне нужно как-то попасть в эту комнату, — прошептала Лифт.

Свернувшись клубком, Виндль устроился на полу.

Лифт покачала головой.

— Это значит пробраться мимо убийцы. Бури!

— Я сделаю это, — прошептал Виндль.

— Может, удастся его отвлечь, — не обращая внимания, рассуждала Лифт. — Заставить погнаться за кем-нибудь? Но тогда переполошатся те двое в комнате.

— Я сделаю это, — повторил Виндль.

Лифт вскинула голову, услышав наконец, о чем он говорит.

— В смысле отвлечешь?

— Нет. — Лозы Виндля скручивались, затягиваясь в узлы. — Я сделаю это, госпожа. Попроюсь в комнату. Я... я сомневаюсь, что их спрены могут меня увидеть.

— Но наверняка ты не знаешь?

— Нет.

— Звучит рискованно.

Его лозы переплетались, похрустывая.

— Думаєте?

— Ну еще бы. — Лифт выглянула из-за угла. — Что-то не так с этим парнем в белом. Тебя можно убить, пустоносец?

— Уничтожить, да. У людей все по-другому, но... я видел спрена, который... — Он тихо всхлипнул. — Возможно, для меня это слишком опасно.

— Возможно.

Виндль сник, свернувшись на полу.

— Я все равно пойду, — прошептал он.

Лифт кивнула.

— Просто слушай и запоминай, о чем говорят те двое, и быстро возвращайся обратно. Если что, кричи изо всех сил.

— Ясно. Слушать и кричать. Это я умею. В этом я хорош.

Он издал звук, будто вдохнул поглубже, хотя, насколько она знала, дышать ему было не нужно. Затем метнулся в коридор: усеянная кристалликами лоза обогнула угол на стыке пола и стены, маленькие зеленые побеги выстреливали по бокам и стлались по ковру.

Убийца не поднял головы. Виндль добрался до входа в комнату. Изнутри не было слышно ни слова.

Бури, как же она ненавидела ждать. Лифт жила по принципу все и сразу. Делала, что хотела и когда хотела. Так лучше всего. Каждый должен иметь возможность заниматься, чем пожелает.

Правда, кто тогда станет выращивать еду? Если мир населить такими, как Лифт, то они сбегут ловить лургов в разгар посевной. Некому будет охранять улицы и заседать на собраниях, некому вести записи и править королевствами. Каждый только и будет думать, как съесть чужую еду, пока та не иссякнет и все они не попадают за мертво.

«Ты знала, — произнес внутренний голос. Он словно стоял в вызывающей позе, уперев руки в бока. — Ты знала, какой мир на самом деле, еще до того, как пошла и попросила не взрослеть».

Остаться маленькой — отговорка, благовидный предлог.

Она ждала как на иголках, не в силах ни на что повлиять. О чем они там говорят? Заметили ли Виндль? Может, его уже пытаются? Угрожают... вырубить его сады или еще чем?

«Слушай», — прошептал внутренний голос.

Но конечно, она ничего не слышала.

Голод побери, хотелось просто ворваться туда, скорчить рожу и увлечь их в погоню по всему зданию. Все лучше, чем сидеть теряясь в догадках, переживать и накручивать себя.

Когда постоянно занята, не нужно ни о чем думать. Например, о том, что большинство людей не сбегает просто из прихоти. Или о том, какой ласковой, доброй и заботливой была мать. Невероятно, что в Рошаре вообще нашелся такой хороший человек.

Она не должна была умереть. По крайней мере, заботиться о ней, пока она угасала, должен был кто-то хотя бы в половину такой же замечательный, как она сама.

Кто-то другой, а не Лифт, себялюбивая и глупая.

И нелюдимая.

Она подобралась и приготовилась выскочить за угол. Однако Виндль наконец показался в коридоре. Оставляя за собой пылевой след от распадающихся лоз, он извивался по полу в бешеном темпе, пока не добрался до нее.

Спустя мгновение из комнаты вышли двое учеников Мрака. Лифт с Виндлем спрятались

обратно в боковой коридор. Она припала к полу, чтобы скрыться в тени и не выделяться на фоне тусклого света далеких ламп. Женщина и мужчина в форме прошагали мимо, даже не взглянув в ее сторону. Лифт расслабилась, поглаживая кончиками пальцев лозы Виндля.

Следом прошел убийца. Он остановился и посмотрел в ее сторону. Его рука покоилась на рукояти меча.

Лифт затаила дыхание. «Не становись потрясней. Не становись потрясней!» Если она задействует силу в тени, то начнет светиться, и он наверняка ее заметит.

Ей оставалось только замереть под пристальным взглядом. Убийца сощурил глаза — странной формы, будто они были слишком большими, — сунул руку в кошель на поясе и бросил в коридор что-то маленькое и светящееся — сферу.

Лифт растерялась: то ли удирать со всех ног, то ли призывать потрясность, то ли не двигаться. Вокруг нее в свете прикатившейся сферы запузырились спрены страха. Лифт встретила глазами с убийцей и поняла, что тот ее видит.

Он вытащил меч из ножен на долю дюйма. С лезвия заструился черный дым, перетекая на пол и собираясь у ног. Лифт вдруг ужасно затошнило.

Убийца оглядел ее и убрал меч обратно в ножны. Как ни удивительно, он ушел за двумя другими. Он не произнес ни слова, а по ковру ступал почти бесшумно — легкий ветерок по сравнению с топотом, еще слышным дальше по коридору.

В считанные секунды все трое скрылись из виду.

— Бури! — Лифт перекатилась на спину. — Матерь мира и Отец бурь, чтоб их! Я чуть не померла со страху.

— Да уж! — согласился Виндль. — Я даже не пискнул, слышали?

— Нет.

— Я так испугался, что не мог проронить ни звука!

Лифт села, вытерла пот со лба.

— Так, ладно... это нечто, конечно. О чем они говорили?

— О! — воскликнул Виндль, словно напрочь позабыв о своем задании. — Госпожа, они закончили расследование, многонедельные изыскания странностей в городе!

— Отлично! Что обнаружили?

— Понятия не имею.

Лифт шлепнулась обратно на ковер.

— Они обсуждали кучу всего непонятного. Но, госпожа, они вычислили нужного человека! И направляются туда прямо сейчас — свершить казнь. — Он потыкал в нее лозой. — Ну... может, стоит проследить?

— Ага, ладно, — ответила Лифт. — Думаю, это мы сумеем. Не так уж и сложно, правда?

Но все оказалось гораздо сложнее.

Коридоры были до жути пустыми, не говоря уж о куче развилок с маленькими боковыми ходами и комнатами на каждом шагу. Лифт не могла подобраться слишком близко. Прибавить сюда почти полное отсутствие сфер на стенах, и выходило, что не отстать от троицы было сродни чуду.

Однако у нее получалось. Лифт проследовала за ними через все, голод его побери, здание, пока впереди не показались наружные двери. Проскользнув в окошко у выхода, она вывалилась в кусты рядом со ступеньками и затаилась. Троица вышла на лестничную площадку, с которой открывался вид на город.

Бури, как же приятно снова вдохнуть свежего воздуха, пусть тучи и заслонили заходящее солнце. В городе посвежело. И потемнело.

Улицы опустели.

Немногим ранее горожане сновали вверх-вниз по ступеням и пандусам, ведущим в Верховную Диванную. Теперь же лишь несколько припозднившихся торопились в убежища, исчезая в дверных проемах.

Убийца повернулся к западу.

— Надвигается буря.

— Тем более нужно поторапливаться. — Женщина-ученица достала из кармана сферу, подняла перед собой, втянула свет и засияла потрясностью.

А затем взлетела.

Голод побери, взяла и взлетела!

«Они умеют летать? — подумала Лифт. — Преисподняя, а я почему не умею?»

Мужчина поднялся в воздух вслед за напарницей.

— Идешь, убийца? — Женщина посмотрела вниз на парня в белом.

— Однажды я уже станцевал в этой буре, — прошептал он. — В день, когда умер. Нет.

— Такими темпами ты никогда не справишься.

Убийца не ответил. Двое в воздухе переглянулись, мужчина пожал плечами. Оба поднялись выше, а потом рванули над городом — так гораздо удобнее, чем передвигаться по расселинам.

Они могут летать, чтоб их.

— Ты и есть та, кого он выслеживает? — тихо спросил убийца.

Лифт вздрогнула. Выпрямившись, перелезла через ограждение площадки, на которой стоял убийца. Он повернулся и посмотрел на нее.

— Я никто, — сказала Лифт.

— Как раз таких он убивает.

— А ты нет?

— Я убиваю королей.

— Что гораздо лучше.

Он посмотрел на нее прищурившись и присел на корточки, закинув меч в ножнах за плечи.

— Нет, не лучше. В тених я слышу их крики, их мольбы. Они преследуют меня, лезут в голову, сводят с ума. Боюсь, они уже одержали верх, и человек, с которым ты сейчас

говоришь, больше не может различить среди них глас разума.

— Та-а-а-ак, — протянула Лифт. — Но на меня ты нападать не стал.

— Нет. Ты нравишься мечу.

— Отлично. Меч мне тоже нравится. — Она посмотрела в небо. — Э-э... ты не знаешь, куда они отправились?

— В отчете описывался мужчина, который, со слов нескольких человек, становился невидимым. Когда он заворачивал в переулок, и кто-нибудь шел следом, там оказывалось пусто. Утверждали, что его лицо, искажаясь, превращалось в лицо другого человека. Мои спутники уверены, что он из тех, кого называют светоплетами, и поэтому его нужно остановить.

— А это законно?

— Нин раздобыл у князя запрет на любое связывание потоков в стране, если на то нет специального разрешения. — Убийца изучающе оглядел Лифт. — Мне кажется, как раз из-за твоей истории Вестник теперь сразу идет к правителю, а не раскланивается с местными властями.

Лифт проследила за направлением полета двух других. Небо темнело все сильнее — зловещий знак.

— Он ведь и правда заблуждается? — спросила она. — Тот, кого ты называешь Вестником. Он говорит, что пустоносцы не вернулись, но это не так.

— Новая буря покажет. Хотя... кто я, чтобы судить? Я безумен. Впрочем, Вестник, по моему, тоже. Это лишний раз убеждает меня, что разуму человека доверять нельзя. Мы должны руководствоваться чем-то большим. Но не моим клятвенным камнем... Что хорошего в исполнении высшего закона, если этот закон подчиняется прихоти человека глупого либо жестокого?

— Та-а-а-ак, — произнесла Лифт. — Ну, можешь сходить с ума как пожелаешь. Ничего страшного. Мне нравятся чокнутые. Смешно же, когда они лижут стены или едят камни и прочую ерунду. Но перед тем, как ты начнешь плясать, не расскажешь ли, куда именно отправились те двое?

— Тебе их не догнать.

— Значит, ничего страшного, если расскажешь.

Убийца улыбнулся, хотя его глаза оставались холодными.

— Человек, который умеет становиться невидимым, предполагаемый светоплет — это старый философ. Его хорошо знают в квартале переселенцев. Почти каждый день он сидит в маленьком амфитеатре и беседует со всеми, кто готов слушать. Это возле...

— ...приюта «Свет Таши». Бури, как я не догадалась. Он почти такой же странный, как ты.

— Ты сразишься с ними, Сияющая малышка? — спросил убийца. — В одиночку против двух неболомов-подмастерьев? С Вестником на подхвате?

Лифт взглянула на Виндля.

— Не знаю. Но все равно придется пойти.

Пришел черед потрясности. Лифт глубоко окунулась в силу, призывая мощь, скорость и скользкость. Похоже, людей Мрака совершенно не заботило, если их заметят во время полета, и потому Лифт решила, что и ей не стоит переживать.

Сделав подошвы скользкими, она отпрыгнула от убийцы и приземлилась на дорожку возле лестницы, которая висала вокруг наружной стены здания. Лифт вознамерилась спуститься в город, скользя сбоку от ступеней.

Разумеется, она продержалась всего с секунду, прежде чем ноги разъехались в разные стороны и она шлепнулась животом на камни. Не успев толком поморщиться от боли, она полетела кувырком с края высоких ступеней и спустя пару мгновений неуклюже шмякнулась о землю.

Потрясность защитила от серьезных повреждений, поэтому Лифт пропустила мимо ушей беспокойные вопли Виндля — тот спустился следом по стене. Извернувшись, она поднялась на колени и, оттолкнувшись руками, заскользила к ведущей к приюту расселине.

Нельзя сплеховать! Обычный бег — слишком медленно. Ее враги в прямом смысле умели летать.

В воображении она видела, как все должно быть. Город расходился под уклоном вниз от Верховной Дисварении. Можно, скользя, мчаться под откос по самой безлюдной улице, отталкиваясь руками от стен, скальных пластов, зданий, набирая скорость с каждым толчком.

Она бы полетела, как стрела — острая, нацеленная, неудержимая.

Представить легко, а вот сделать... Лифт снова бросилась вперед, но снова земля ушла из-под ног. В этот раз ноги поехали назад, и она приложилась лицом о камень. Перед глазами все вспыхнуло. Когда она подняла голову, пустая улица расплывалась, но потрясность скоро это исправила.

Улица впереди была самой оживленной в городе, но теперь казалась заброшенной и пустынной. Торговцы свернули навесы и попрятали телеги, остался один мусор. На Лифт давили стены. Всем известно, что во время бури нужно держаться подальше от ущелий, иначе смоем наводнением, а здесь, голод побери, взяли и построили целый город, грубо нарушив неписанные законы.

Позади, далеко в небе прогремел гром. Прежде чем налетит буря, бедного чокнутого старика навестят двое самоуверенных убийц. Она должна им помешать. Обязана, сама не зная почему.

«Так, Лифт, успокойся. Ты потрясная. Ты всегда была потрясной, а теперь ты суперпотрясная. Вперед. Ты сможешь».

Зарывав, она прыгнула и заскользила боком. Она может и будет...

На этот раз она задела угол стены на перекрестке и распласталась на земле вверх тормашками. От отчаяния она стукнула головой о камни.

— Госпожа? — Виндль свернулся рядом. — Ох, не нравится мне этот гром...

Она встала — пристыженная и какая угодно, только не потрясная, — и остаток пути решила просто пробежать. Ее способности позволяли бежать быстро и не уставать, но казалось, что этого недостаточно.

Прошла целая вечность, прежде чем она добралась до приюта. Над головой кружили

спрены изнеможения. В самом конце пути потрясность иссякла, и теперь желудок урчал в знак протеста. Разумеется, амфитеатр был пуст. Вырезанный в скале приют находился по левую сторону, а ступеньки амфитеатра прямо перед Лифт. Дальше обзор закрывали деревянные лачуги и дома в темном переулке.

Небо потемнело: то ли сгущались сумерки, то ли надвигалась буря.

Из глубины переулка послышался дикий крик боли. Лифт пробрал озноб.

Виндль был прав. Убийца был прав. На что она рассчитывала? Ей не под силу одолеть двух обученных потрясных солдат. Измученная Лифт опустилась на землю прямо в центре амфитеатра.

— Мы пойдем? — спросил Виндль.

— Силы больше нет, — прошептала она. — Всю израсходовала, пока бежала сюда.

Разве этот переулочек всегда выглядел таким... глубоким? Тени от лачуг, развешенное тряпье, торчащие доски — все это напоминало вытянутую баррикаду с узеньким проходом. Словно это совершенно иной мир, отделенный от остальной части города, темное потайное королевство, способное существовать только в тени.

Лифт поднялась на негнущихся ногах и сделала шаг к переулку.

— Куда собралась? — раздался крик сзади.

Обернувшись, она увидела в дверях приюта Каргу.

— Ты должна укрыться в убежище! — крикнула женщина. — Безмозглый ребенок. — Она подошла, схватила Лифт за руку и потащила в приют. — Не думай, что, раз уж пришла, то я о тебе позабочусь. Таким, как ты, здесь нет места, и не смей притворяться больной или уставшей. Все всегда притворяются, лишь бы дорваться до нашего добра.

Несмотря на собственные слова, она завела Лифт внутрь, захлопнула большую деревянную дверь и опустила засов.

— Радуйся, что я выглянула посмотреть, кто там орет. — Она изучающе оглядела Лифт и громко вздохнула. — Наверное, есть хочешь.

— Вы обещали покормить меня еще раз, — сказала Лифт.

— Я уже подумываю отдать этот раз другому ребенку. Ну серьезно, после такой-то выходки — стояла снаружи и орала? Тебе надо было укрыться в убежище. Если ты думала, что твое жалкое актерство меня разжалобит, я тебя сильно огорчу.

Ворча под нос, Карга ушла. Помещение за дверью оказалось просторным. По всему полу на циновках сидели дети. Свет давала одна-единственная рубиновая сфера. Дети выглядели перепуганными, некоторые жались друг к другу. Какой-то мальчик закрыл уши и скулил каждый раз, как снаружи ударял гром.

Лифт опустилась на свободную циновку. Происходящее казалось нереальным. Она прибежала, светясь силой, готовая сразиться с летающими чудовищами, а здесь... здесь она лишь еще одна сирота-оборванка.

Она закрыла глаза и прислушалась.

— Я боюсь. Когда буря закончится?

— А почему всем нужно сидеть внутри?

— Я скучаю по мамочке.

— А что со стариками в переулке? С ними все будет в порядке?

Их неуверенность отозвалась в Лифт. Она пережила то же самое. После смерти матери. И потом еще десятки раз, во всех городах мира. В местах для брошенных детей.

Она поклялась не забывать таких, как они. Она не собиралась клясться, но так уж

вышло. В ее жизни все выходило по воле случая.

— Я хочу управлять, — прошептала она.

— Госпожа? — не понял Виндль.

— Сегодня утром ты сказал, что не веришь ни в одну из причин, по которым я сюда пришла. Ты спрашивал, чего я хочу.

— Я помню.

— Я хочу управлять. — Лифт открыла глаза. — Не как короли и все такое. Просто хочу уметь хотя бы чуточку управлять своей жизнью. Не хочу, чтобы меня кидало из стороны в сторону — люди, или судьба, или что угодно еще. Я просто... просто хочу сама делать выбор.

— Я плохо понимаю, как устроен ваш мир, госпожа. — Свернувшись кольцом на стене, Виндль изобразил лицо и свесил его рядом с Лифт. — Но ваше желание кажется весьма разумным.

— Только послушай этих детей. Слышишь?

— Они напуганы бурей.

— И неожиданным приказом прятаться. И одиночеством. Столько неуверенности...

Из другой комнаты доносился голос Карги. Она беседовала с одним из взрослых помощников:

— Не знаю. Сегодня великой бури быть не должно. На всякий случай я вынесу сферы наружу. Хорошо бы, кто-нибудь объяснил нам, что происходит.

— Не понимаю, госпожа, — произнес Виндль, — какой вывод я должен сделать из этого наблюдения?

— Цыц, пустоносец.

Лифт слушала. Пыталась услышать. Вдруг, замерев, открыла глаза. Нахмурившись, встала и пересекла комнату.

Мальчик со шрамом на голове разговаривал с другим ребенком. Он поднял взгляд на Лифт.

— Эй, я тебя знаю. Ты ведь видела мою маму? Не знаешь, когда она вернется?

Как там его звали?

— Мик?

— Ага, — подтвердил мальчик. — Слушай, я ведь не отсюда? Плохо помню пару последних недель, но... То есть, я ведь не сирота. У меня есть мама.

Это был тот самый мальчик, которого бросили вчера вечером.

«Тогда ты пускал слюни, — подумала Лифт. — И даже во время обеда разговаривал, как идиот. Бури, что я с тобой сделала?»

Она не умела лечить больных на голову, по крайней мере, так думала. Почему с ним вышло иначе? Может, потому что он родился нормальным, просто получил по голове?

Она не помнила, как исцелила его. Бури... ей хотелось управлять, но она даже не понимала, как пользоваться тем, что имеет. Забег сюда это доказал.

В комнату вошла Карга с огромной тарелкой блинчиков и начала раздавать их детям. Лифт она вручила два.

— Это последний раз, — помахав пальцем, сказала она.

— Спасибо, — промямлила Лифт в спину женщине.

Блинчики были холодными, и, к сожалению, такие она уже пробовала — со сладкой начинкой. Ее любимые. Может, Карга не такая уж и плохая.

«Она воровка и злодейка, — напомнила себе Лифт, восстанавливая потрясность. — Она отмывает сферы, используя приют как прикрытие. Но наверно, даже воровка и злодейка иногда делает добрые дела».

— Я в полном недоумении, — проговорил Виндль. — Госпожа, о чем вы думаете?

Она посмотрела на толстую наружную дверь. Наверняка старик уже мертв. Никому нет дела, вряд ли кто-то вообще заметит. Всего лишь старик, которого нашли мертвым в переулке после бури.

Но Лифт... Лифт будет его помнить.

— Идем, — сказала она.

Пока Карга отвернулась отчитать кого-то из детей, Лифт подошла к двери, отодвинула засов и выскользнула наружу.

Над головой урчало голодное небо, темное и злое. Лифт его понимала. Когда слишком долго не ешь, рад любой крошке и не постоишь за ценой.

Буря только подступала, но судя по отдаленным молниям, буревой стены перед ней не было. Ее приход станет не внезапным, грандиозным событием, а скорее тягомотным наступлением. Буря маячила, словно бандит с ножом в подворотне в ожидании случайной жертвы.

Лифт подошла ко входу в переулок и крадучись двинулась вперед, мимо лачуг. Выглядели они слишком непрочными, чтобы выдерживать великие бури. Город строили так, чтобы негде было разгуляться ветрам, но все же здесь полно рухляди. Чихнуть посильнее — и половина жителей переулка останутся бездомными.

Они тоже это понимали, поэтому почти все укрылись в убежищах. Лифт заметила лицо: кто-то с сомнением выглядывал меж тряпья, которым были завешены окна. С земли рядом с окном поднимались спрены ожидания, похожие на красные вымпелы. Такие люди были слишком упрямыми, а может, и вовсе безумными — их не волновало происходящее вокруг. Она их ни капельки не винила. Правительство раздает внезапные беспорядочные приказы и ожидает, что все бросятся их выполнять? Лифт на это обычно не обращала внимания.

Но ведь наверняка они видели, что творится в небе, слышали гром. Вспышка красной молнии осветила все вокруг. Сегодня этим людям стоило послушаться.

Она медленно и осторожно кралась вглубь переулка, скрытого в неясных тенях. Над головой тучи, сфер нет — люди унесли их с собой, — темень хоть глаз выколи. Стояла полная тишина, только грохотало в небе. Бури, неужели старик и правда здесь? Может, он все-таки укрылся в убежище, а тот пронзительный крик не имеет к нему никакого отношения?

«Нет, ничего подобного», — подумала Лифт. Ее снова пробрал озноб. Ладно, если старик и правда здесь, где искать тело?

— Госпожа, — прошептал Виндль. — Ох, не нравится мне это место, госпожа. Что-то не так.

Все не так! С тех самых пор, как ее выследил Мрак. Лифт прошла мимо теней, которые, скорее всего, были бельем, развешанным на веревках между лачугами. Во тьме они казались скрюченными, изломанными телами. Очередная вспышка молнии не сильно помогла: в алых сполохах стены и лачуги словно залило кровью.

Когда уже этот переулок закончится? Лифт вздохнула с облегчением, наконец споткнувшись обо что-то. Пошарив вниз, нащупала руку под тканью. Тело.

«Я буду помнить о тебе». Наклонившись и сощурившись, Лифт пыталась различить очертания фигуры старика.

— Госпожа... — заныл Виндль. Он обернулся вокруг ее ноги и прильнул, как ребенок к матери.

«Что это?» Тишина уступила место щелчкам и скрежету. Звуки доносились со всех сторон. И только теперь до Лифт дошло, что она нащупала не шикву. Ткань была слишком плотной и толстой.

«Мать! — в ужасе подумала она. — Что происходит?»

Сверкнувшая молния на мгновение осветила труп. На земле лежала женщина, устремив

на небо невидящий взгляд. Черно-белая форма, вспыхнувшая багрянцем, была покрыта чем-то шелковистым.

Ахнув от испуга, Лифт отскочила и врезалась во что-то позади — еще одно тело. Она крутанулась на месте, и ритмичные щелчки зазвучали громче. Следующая вспышка молнии выхватила из тьмы прислоненное к стене переулка тело. Мужчину привязали к лачуге, его голова безвольно свесилась набок. Она узнала его, как и женщину на земле.

«Приспешники Мрака, — подумала Лифт. — Оба мертвы».

— Однажды, путешествуя по стране, в которой ты никогда не побываешь, я услышал интересную мысль.

Лифт застыла. Это был голос того старика.

— Там есть племя, которое верит, что каждый день, засыпая, человек умирает. Они верят, что сознание не сохраняется: если его прервать, с пробуждением в теле рождается новая душа.

«Бури, бури, БУРИ!» — подумала Лифт, кружась на месте.

Казалось, стены двигаются, шевелятся, скользят, словно вымазанные маслом. Она хотела было отойти подальше от трупов... но перестала понимать, где они. С какой стороны она пришла? В ту сторону — это вглубь кошмарного переулка?

— В этой философии не все гладко, — продолжал голос, — по крайней мере, для внешнего наблюдателя. Что насчет памяти и преемственности культуры, семьи, общества? Омнити учат, что все это ты наследуешь утром от предыдущей души, обитавшей в теле. В определенные участки мозга записываются воспоминания, чтобы помочь тебе прожить единственный день своей жизни по полной.

— Что ты такое? — прошептала Лифт, лихорадочно озираясь, пытаясь сориентироваться во тьме.

— Для меня самое интересное в этих людях то, как они вообще продолжают существовать. Ведь если каждый искренне поверит, что жить осталось всего один день, наступит хаос. Я часто задаюсь вопросом, что же о вас думать, раз уж эти люди, имея столь исключительные верования, проживают свои жизни почти так же, как и все вы.

«Вот он», — подумала Лифт, разобрав среди теней человеческий силуэт.

Впрочем, в свете молнии стало ясно, что он не совсем целый: в плоти не хватало кусков, правое плечо заканчивалось культей. Бури, он был голым, а в животе и бедрах зияли странные дыры. Еще и глаза не хватало. Однако крови не было. В быстрой чередой вспышек Лифт заметила, как что-то карабкается по его ногам — кремлецы.

Вот откуда щелчки. Бесчисленное множество кремлецов, каждый размером с палец, покрывало стены. Мелкие хитиновые твари щелкали лапками, вызывая отвратительный шум.

— Примечательно, как сложно эту философию опровергнуть. Как понять, что ты тот же, что и вчера? Как узнать, что в твоём теле новая душа, если воспоминания у нее те же? Но тогда... если она ведет себя так же и думает, что является тобой, какая разница? Что значит быть собой, Сияющая малышка?

Во вспышках молний — они били все чаще — Лифт увидела, как по лицу старика ползет кремлец и с его спинки свисает некая округлая выпуклость. Тварь залезла прямо в глазницу, и Лифт поняла, что выпуклость — это глаз. Другие кремлецы карабкались по туловищу и заполняли дыры, формировали отсутствующую руку. Каждый нес на спинке нечто похожее на кусочек кожи. Эти кусочки кремлецы выставляли наружу, а внутри сцеплялись между собой лапками.

— Для меня все это не более чем бесполезная теория, поскольку в отличие от тебя я не сплю, — продолжил он. — По крайней мере, не весь сразу.

— Что ты такое? — спросила Лифт.

— Всего лишь еще один беженец.

Лифт попятилась. Ее больше не заботило, как вернуться ко входу в переулок, — главное, обратиться подальше от этого создания.

— Не стоит меня бояться, — сказал старик. — Твоя война — моя война, и так было тысячелетиями. Прежде чем все пошло наперекосяк, древние Сияющие называли меня своим другом и союзником. Какое чудесное было время до Последнего Опустошения. Время... чести. Но эти дни прошли, давно прошли.

— Ты убил этих двоих! — прошипела Лифт.

— Я защищался. — Он усмехнулся. — Впрочем, это ложь. Убить меня им было не под силу, так что ссылаться на самозащиту я не вправе, как, например, и солдат, убивший ребенка. Но они потребовали состязания, хоть и не совсем напрямую, — и я им его устроил.

Он шагнул ближе. Вспышка молнии высветила, как он сгибает пальцы новой руки и кремлец с маленькими тонкими лапками на брюшке, сцепившись с собратьями, занимает место большого пальца.

— Но ты ведь пришла сюда не состязаться? — спросило существо. — Мы наблюдаем за остальными: за убийцей, за лекарем, за притворщицей, за великим князем. Но не за тобой. На тебя никто не обращает внимания... что, осмелюсь утверждать, большая ошибка.

Он достал сферу — переулок окутало призрачное свечение — и улыбнулся. В местах сцепления кремлецов его кожу вдоль и поперек пересекали линии, практически незаметные среди морщин старческого тела.

Впрочем, это лишь подобие старика, подделка. Под кожей не было ни мышц, ни крови, только сотни сцепившихся кремлецов, все вместе изображающих человека.

Еще больше кремлецов, освещенных сферой, по-прежнему ползало по стенам. Лифт даже не заметила, когда успела обойти тело павшего солдата, и теперь пятилась в тупик между лачугами. Она огляделась. При свете сферы будет не так уж трудно забраться наверх.

— Если сбежишь, он убьет того, кого ты хотела спасти, — заметило существо.

— Уверена, с тобой все будет в порядке.

Чудовище усмехнулось.

— Эти дураки ошиблись. Я не тот, кого преследует Нейл. Он знает, что от меня и мне подобных следует держаться подальше. Нет, есть кое-кто еще. Сегодня ночью он его выследит и завершит задачу. Нейл, безумец, Вестник справедливости не из тех, кто бросает начатое.

Лифт медлила, держась за свес крыши, готовая подтянуться и забраться наверх. Кремлецы на стенах — столько за раз она еще не видела — расплзались в стороны, создавая для нее проход.

Он понимал, что, если она захочет сбежать, лучше не мешать. Сообразительное чудовище.

Купаясь в холодном свете, ярком, словно костер по сравнению с темнотой, по которой она пробиралась сюда, существо развернуло черную шикву и, начав с правой руки, начало в нее оборачиваться.

— Мне здесь нравится, — пояснило оно. — Где еще найдется повод полностью покрывать тело? Тысячелетиями я разводил ордлецов, но до сих пор не удается заставить их

сцепляться как надо. Рискну предположить, что теперь я могу сойти за человека почти не хуже сия-аймианцев, но стоит получше присмотреться, и любому видны изъяны. Это порядком раздражает.

— Что ты знаешь о Мраке и его планах? — требовательно спросила Лифт. — И о Сияющих, и о пустоносцах, и обо всем остальном?

— Исчерпывающий список. И я, признаться, не тот, кого стоит спрашивать. Вами, Сияющими, больше интересуются мои братья. Если когда-нибудь встретишь другого Неспящего, передавай привет от Аркло. Уверен, этим ты расположишь его к себе.

— Это не ответ. Вернее, я рассчитывала на другой.

— Человек, я здесь не для того, чтобы отвечать на твои вопросы. Я здесь из любопытства, и ты — его причина. Как любил повторять старый Аксис, познавшие бессмертия должны найти цель в жизни помимо борьбы за существование.

— Похоже, ты нашел свою цель в болтовне без остановки. А она никому не помогает. — Лифт вскарабкалась на крышу лачуги, но выше не полезла. Виндль вился следом по стене, распугивая кремлецов. Видимо, они его чуяли.

— Я помогаю в проблеме гораздо большей, нежели твои личные затруднения. Я создаю философское течение, столь значительное, что оно будет существовать веками. Видишь ли, дитя, я могу вырастить все, что понадобится. Переполнилась память? Я выведу новый вид ордлецов для накопления воспоминаний. Нужно узнать новости в городе? Помогут ордлецы с дополнительными глазами, вкусовыми и слуховыми усиками. Дай время, и я сотворю для своего тела едва ли не что угодно. А вот вы... вы ограничены одним-единственным телом. Как же все работает? Я начал подозревать, что каждый человек в городе — часть одного большого, невидимого для него организма подобно ордлецам, образующим мой вид.

— Все это замечательно, — отозвалась Лифт. — Но ты сказал, что Мрак охотится за кем-то другим. Думаешь, он еще не успел убить свою жертву?

— О, уверен, что нет. Он охотится прямо сейчас. Скоро узнает, что его приспешники потерпели неудачу.

В небе уже совсем близко раздался гром. Лифт захотелось убежать и спрятаться. Но...

— Скажи, кто это? — спросила она.

Существо улыбнулось.

— Секрет. А мы вроде в Ташикке? Поторгуемся? Ты честно ответишь на мои вопросы, а я дам подсказку.

— Почему я? Почему бы тебе не докучать своими вопросами кому-нибудь еще? Может, в другой раз?

— О, но ты такая занимательная.

Он обернул шикву вокруг пояса, затем по очереди обмотал ноги. Вокруг суетились кремлецы. Несколько взобралось ему на лицо, глаза выползли, их место заняли другие: темноглазый превратился в светлоглазого.

Он говорил, продолжая одеваться:

— Ты, Лифт, отличаешься от остальных. Если каждый город — существо, то ты — самый особенный орган. Орган, который кочует с места на место и приносит перемены. Вы, Сияющие рыцари... Мне нужно знать, какими вы себя видите. Это станет важной частью моей философии.

«Я особенная, — подумала Лифт. — Я потрясная. Тогда почему я не знаю, что делать?»
Неведомая тревога нарастала. Существо продолжало свою непонятную болтовню: о

городах, о людях и их жизнях. Он восхвалял Лифт, но она морщилась от каждой ненавязчивой фразы о том, какая она особенная. Буря подобралась вплотную. Где-то под покровом ночи Мрак собирался совершить убийство. А ей оставалось лишь съежиться перед двумя трупами и чудовищем, собранным из маленьких копошащихся частей.

«Слушай, Лифт. Ты слушаешь? Люди никогда не слушают».

— Хорошо, но как твой родной город узнал, что нужно создать именно тебя? — спросило существо. — Я могу вывести отдельные части с необходимыми свойствами. А что произвело тебя? И как этому городу удалось призвать тебя сюда именно сейчас?

Опять этот вопрос. «Зачем ты здесь?»

— Что, если я не особенная? — прошептала Лифт. — Тоже ничего страшного?

Существо замолкло и посмотрело на нее. Виндль на стене застонал.

— Что, если я все время обманывала? Что, если я не такая уж и потрясная? И не знаю, что делать?

— Уверен, интуиция тебя не подведет.

«Чувствую себя потерянной, как солдат на поле боя, который не может вспомнить, на чьей стороне воюет», — вспомнился голос капитана стражи.

Слушать. Она слушала, разве нет?

«Меня не покидает чувство, что даже короли пасуют, если против них ополчился мир», — голос письмоводительницы Генны.

Никто больше не слушает.

«Хорошо бы, кто-нибудь объяснил нам, что происходит», — голос Карги.

— Что, если ты все же ошибаешься? — прошептала Лифт. — Что, если «интуиция» подведет? Что, если все напуганы и ни у кого нет ответов?

Выводы, думать о которых всегда было слишком страшно. Выводы, которые пугали.

Но стоило ли бояться? Она посмотрела на стену, на Виндля — на него щелкали лапками кремлецы. Ее собственный ручной пустиносец.

«Слушай».

Помедлив, Лифт легонько его похлопала. Просто... просто нужно принять это.

Почти сразу страх сменился облегчением. Да, она во тьме, но как-нибудь справится.

Она выпрямилась.

— Я сбежала из Азира, потому что испугалась. И пришла в Ташикк, потому что ноги сами привели сюда. Но сегодня... сегодня я решила, что мое место здесь.

— Что за ерунда? — спросил Аркло. — Какая от этого польза моей философии?

Внезапное озарение обрушилось на нее словно волна силы. Лифт вздернула голову. «Ха, кто бы мог подумать?»

— Мальчика излечила... не я, — прошептала она.

— Что?

— Наверно, Карга торгует сферами себе в убыток, потому что обменивает тусклые на заряженные. Она отмывает деньги, потому что ей нужен буресвет. Скорее всего, подпитывается им, не понимая, что делает. — Лифт посмотрела на Аркло и ухмыльнулась. — Не понимаешь? Она заботится о детях с врожденными заболеваниями, позволяет им оставаться в приюте. А все потому, что ее способности не знают, как их лечить. Но остальным становится лучше. Это происходит так подозрительно часто, что она начала думать, будто они притворяются ради еды. Карга... Сияющая!

Неспящий встретился с ней взглядом и вздохнул:

— Поговорим в другой раз. Как и Нейл, я не из тех, кто бросает начатое.

Он швырнул сферу, и та, позвякивая о камни, покатилась к приюту. Лифт спрыгнула с крыши лачуги и побежала на свет.

Гром следовал по пятам. В расселинах завывал ветер. Мимо, словно чувствуя приближение необычной бури, проносились спрены ветра. Резкий порыв ударил в спину, разметав вокруг обрывки бумаги и мусора. Лифт дошла до небольшого амфитеатра у входа в переулок и отважилась оглянуться.

И в ошеломлении остановилась как вкопанная.

По небу катилась буря. Черный грозовой вал, величественный и ужасный, в сопровождении красных молний. Он раскинулся на все небо, злобно вспыхивая изнутри.

Упали первые капли дождя, и несмотря на то, что буревой стены впереди не было, ветер разбушевался не на шутку.

Виндль завертелся вокруг Лифт.

— Госпожа? Ох, плохо дело, госпожа.

Она отступила, зачарованная кипящей черно-красной массой. Над расселинами сверкнула молния, и гром ударил с такой силой, что Лифт едва не отбросило назад.

— Госпожа!

— Внутрь! — воскликнула Лифт, бросившись к двери приюта.

В такой тьме она с трудом различала стену. Подойдя ближе, Лифт почуяла неладное: дверь была открыта.

Разве ее не закрыли, когда она ушла? Она скользнула внутрь. В зале царила крошечная тьма, но ощупав дверь, Лифт поняла, что засов просто перерезали. Скорее всего, снаружи, и оружием, для которого дерево что бумага. Осколочным клинком.

Дрожа, Лифт нащупала на полу обрубок засова и, закрыв дверь, пристроила его на место. Повернулась, прислушалась: дети всхлипывали и приглушенно рыдали.

— Госпожа, — прошептал Виндль, — вам его не одолеть.

«Знаю».

— Вам необходимо произнести Слова.

«Не поможет».

Сегодня вечером одними Словами не отделаешься.

Как же трудно не заразиться от детей страхом. Поняв, что дрожит, Лифт остановилась посреди зала. Если она хочет остановить Мрака, не годится красться, спотыкаясь о малышню.

Наверху послышались глухие удары — кто-то в сапогах решительно расхаживал по деревянному полу второго этажа.

Лифт зачерпнула потрясности и засияла. Свет поднимался от ее рук, словно пар от горячей сковороды. Не слишком яркий, но в темной комнате его хватало — Лифт увидела детей. Они притихли, воззрившись на нее с благоговением.

— Мрак! — выкрикнула Лифт. — Тот, кого зовут Нин или Нейл! Накку, Судья! Я здесь.

Шаги наверху смолкли. Лифт пересекла зал, вышла в коридор и подняла взгляд на лестницу.

— Это я! — прокричала она. — Ты попытался и не смог убить меня в Азире.

Под порывами ветра входная дверь дребезжала, будто кто-то пытался ворваться внутрь. Шаги послышались снова, и Мрак с аметистовой сферой в одной руке и сверкающим осколочным клинком в другой показался на вершине лестницы. Лиловый свет очерчивал снизу

его подбородок и щеки, но глаза скрывались в тени. Глазницы казались пустыми, как у существа, которого Лифт встретила снаружи.

— Не ожидал, что ты решишься принять правосудие, — сказал Мрак. — Думал, предпочтешь остаться в обманчивой безопасности.

— Ага, — крикнула Лифт. — Слышал о дне, когда Всемогущий раздавал всем мозги? Я тогда уходила за плоскохлебом.

— Ты заявила сюда во время великой бури. Ты заперта со мной, и я знаю о твоих преступлениях в этом городе.

— Зато я успела вовремя, когда Всемогущий одарял приятной внешностью. Ты-то где задержался?

Похоже, оскорбление не возымело эффекта, хотя было одним из ее любимых. Мрак двинулся вниз по лестнице, перетекая, точно дым: шаги сделались мягче, от невидимого ветра по форме шла рябь. Бури, как же церемонно он выглядел в этом своем строгом мундире и перчатках с длинными отворотами — словно воплощение самого закона.

Лифт рванула вправо, подальше от детей, вглубь первого этажа приюта. Оттуда пахло пряностями, и нос привел ее в темную кухню.

— Наверх, — скомандовала она Виндлю, который извивался у дверного проема.

Сцапав с кухонной стойки клубень, она ухватилась за Виндлю и полезла на стену. У потолка, вцепившись в тонкие лозы, погасила потрясность. Помещение погрузилось в темноту.

Прямо под ней появился Мрак. Он поглядел направо, потом налево, но не поднял головы. Когда он шагнул вперед, Лифт спрыгнула у него за спиной.

Мрак мгновенно развернулся, рубанув осколочным клинком, который держал одной рукой. Лезвие рассекло дверной косяк и пронеслось в волоске от Лифт.

Она успела отшатнуться и ударилась о пол. Вспыхнула потрясность, и Лифт заскользила на спине прочь от Мрака. У подножия лестницы путь преградила стена, но Лифт, быстро перекатившись на четвереньки, полезла вверх по ступеням.

— Ты живое оскорбление того порядка, который могла бы утвердить, — произнес Мрак, тяжело ступая следом.

— Ну да, почему нет, — отозвалась Лифт. — Бури, я и для себя-то сплошное оскорбление.

— Еще бы. — Мрак добрался до ступеней. — В твоих словах никакого смысла.

Она показала ему язык. Совершенно разумный и правильный способ сражаться с полубогом. Кажется, ему все равно, но так и должно быть — вместо сердца у него комок ушной серы. Ну просто трагедия.

На втором этаже приюта, слева от Лифт, тянулись маленькие комнаты. Справа еще один лестничный пролет уходил выше. Она рванула влево, с трудом глотая куски сырого длиннокорня и высматривая Каргу. Добрался ли до нее Мрак? В некоторых комнатах стояли детские койки. Значит, Карга не заставляла их спать в большом зале. Наверное, они собрались там из-за бури.

— Госпожа! — воскликнул Виндль. — Есть ли у вас план?!

— Я могу создавать буресвет. — Отдуваясь, Лифт зачерпнула немного потрясности и заглянула в комнату напротив.

— Да. Уму непостижимо, но факт.

— А он не может. Сфер почти нет, никто ведь не ожидал бурю посреди Плача, так

что...

— А... то есть, мы его измотаем!

— Его не одолеть. Похоже, у нас единственный вариант. Думаю, стоит прошмыгнуть вниз и набрать побольше еды.

Куда делась Карга? В комнатах вроде не прячется, но ее мертвого тела тоже не видно.

Лифт нырнула обратно в коридор. На другом его конце, возле ступенек, показался Мрак. Он неторопливо шел к ней, зажав осколочный клинок странной обратной хваткой — острием себе за спину.

Лифт приглушила потрясность и перестала сиять. Нужно заставить его растратить буресвет. Может, притвориться, что ее буресвет на исходе, чтобы он не берег свой?

— Жаль, что я должен это сделать, — сказал Мрак. — Раньше я бы приветствовал тебя как сестру.

— Нет, на самом деле тебе не жаль, — ответила Лифт. — Ты вообще знаешь, что такое сожаление?

Он остановился, по-прежнему сжимая перед собой сферу. Похоже, он и правда задумался над вопросом.

Ну, пора двигать. Иногда, чтобы тебя не загнали в угол, нужно броситься на парня, который размахивает осколочным клинком. Когда она рванула вперед, он принял боевую стойку и сделал шаг для замаха.

Лифт покрыла себя потрясностью и, увернувшись от клинка, проскользила слева от Мрака. Но не слишком ли легко? Мрак проводил ее пронизательным взглядом. Совершенно ясно, пропустил он ее нарочно.

Резко развернувшись, он снова быстро зашагал к ней, перегородив путь к лестнице на нижний этаж. Она оказалась у ступеней наверх. Похоже, он хотел, чтобы она пошла именно туда, поэтому Лифт повернула обратно в коридор. К несчастью, здесь была только одна комната, прямо над кухней. Пинком распахнув дверь, Лифт заглянула внутрь: спальня Карги, с комодом и постелью на полу. Самой Карги не видно.

Мрак продолжал наступать.

— Ты права. Видимо, я избавился от последних остатков вины, которую чувствовал когда-то, следуя долгу. Я преисполнен чести, я изменился. Понадобилось немало времени.

— Отлично. То есть теперь ты, типа... как бесчувственный спрен.

— Эй, — встрял Виндль. — Это оскорбительно.

— Нет, — произнес Мрак, неспособный услышать Виндля. — Я всего лишь человек. Усовершенствованный. — Он помахал сферой. — Людям нужен свет, дитя. Сами по себе мы во тьме, действуем наугад, идя на поводу у субъективного, изменчивого разума. Но свет безупречен и не меняется от ежедневных капризов. Вина за то, что точно следуешь кодексу, — бесполезное чувство.

— Значит, по-твоему, другие чувства полезны?

— Есть много полезных чувств.

— Которые ты вполне себе испытываешь, причем постоянно?

— Естественно... — Он замолк, будто снова задумался над ее словами, склонил голову набок.

Сделавшись скользкой, Лифт прыгнула вперед. Путь вниз Мрак перекрыл, но ей было необходимо любым способом проскочить мимо и вернуться на первый этаж. Набрать там какой-нибудь еды, заставить его гоняться за собой по приюту, пока его сила не иссякнет.

Лифт выждала, когда он взмахнет мечом, и бросилась в сторону, покрыв потрясностью все тело, кроме одной ладони, чтобы управлять скольжением.

Мрак выронил сферу и, вспыхнув буресветом, ринулся вперед с неожиданной, невероятной скоростью. Он отбросил осколочный клинок, который тут же испарился, и выхватил из-за пояса нож. Когда Лифт проносилась мимо, он ударил им, зацепив ее одежду.

Бури! Обычный порез потрясность бы исцелила. Если бы он попытался ее схватить, она была слишком скользкой и выкрутилась бы. Но его нож вонзился в деревянный пол, пригвоздив край сорочки, и заставил ее резко остановиться. Будучи скользкой, Лифт слегка подскочила и отъехала назад ко Мраку.

Пока она отчаянно пыталась освободиться, он отвел руку в сторону, вновь призывая клинок. Нож воткнулся глубоко, и Мрак держал его крепко. Бури, какой же он сильный! Лифт укусила его за руку, но безрезультатно. Покрыв тело потрясностью, она изо всех сил старалась вывернуться из сорочки.

Появился осколочный клинок, и Мрак занес его для удара. Лифт барахталась, ничего толком не видя из-за сорочки, которая наполовину сползла и запуталась вокруг головы. Однако она чувствовала, как опускается лезвие...

Раздался глухой удар, и Мрак охнул.

Лифт выглянула и увидела Каргу. Та стояла на ступеньках и сжимала длинный деревянный брус. Мрак помотал головой, пытаясь прийти в себя, но Карга ударила его снова.

— Оставь моих детей в покое, чудовище, — проворчала она.

С ее одежды капало. Карга выносила на крышу сферы, чтобы зарядить. Ну конечно, вот где она была. Она же об этом упоминала.

Карга подняла деревянный брус над головой. Вздохнув, Мрак взмахнул клинком и разрезал ее оружие пополам. Вытащил нож из пола, освободив Лифт. Да!

А потом пнул ее, и из-за потрясности она совершенно неуправляемо заскользила по коридору.

— Нет! — Лифт перестала быть скользкой и, перекатившись, остановилась.

Перед глазами все плыло, но она увидела, как Мрак повернулся к Карге, схватил ее за горло, а потом стянул со ступенек и швырнул на пол. Послышался хруст, и пожилая женщина обмякла, застыв без движения.

После этого он ее пронзил — не клинком, а ножом. Почему? Почему не прикончил?

Мрак повернулся к Лифт. В тених от брошенной сферы он выглядел еще бóльшим чудовищем, чем Неспящий, которого Лифт встретила в переулке.

— Еще жива, — сообщил он Лифт. — Но истекает кровью и без сознания. — Он пнул сферу. — Она слишком неопытная — не умеет подпитываться буресветом в таком состоянии. Тебя придется заколоть и подождать, пока ты не умрешь наверняка. Эта, скорее всего, умрет от потери крови. Уже умирает.

«Я могу ее исцелить», — в отчаянии подумала Лифт.

Он знал. И пытался поймать ее на приманку.

Некогда заставляя его тратить буресвет. Наставив осколочный клинок на Лифт, он действительно напоминал лишь темный силуэт. Мрак. Самый настоящий Мрак.

— Я не знаю, что делать, — проговорила Лифт.

— Произнесите Слова, — отозвался Виндль сбоку.

— Я уже произнесла их в сердце.

Но какой от них толк?

Слишком немногие слушают кого-то, кроме себя. Какой будет толк, если она прислушается сейчас? Ей было слышно, только как гремит гром и дрожат от ударов молний камни.

Гром.

Новая буря.

«Я не могу его одолеть. Я должна его изменить».

Слушай.

Призвав всю оставшуюся потрясность, Лифт храбро пошла на Мрака. Тот шагнул вперед с ножом в одной руке и осколочным клинком в другой. Она оказалась совсем рядом с ним, и он снова помешал ей добраться до лестницы вниз. Он явно ждал, что она либо выберет этот путь, либо остановится у неподвижного тела Карги и попытается ее исцелить.

Лифт не оправдала его ожиданий. Проскользнув мимо тела женщины, она резко свернула и припустила вверх по лестнице, откуда немногим ранее спустилась Карга.

Выругавшись, Мрак взмахнул клинком, но не попал и погнался следом. Лифт уже добралась до третьего этажа.

— Ты бросаешь ее умирать, — предостерег он на бегу.

Лифт заметила еще несколько ступеней вверх — на крышу, как она надеялась. Нужно, чтобы он пошел за ней...

Путь преградил люк в потолке, но она распахнула его и вынырнула будто посреди самой Преисподней.

Страшные порывы ветра перемежались ужасающими красными молниями. Беспощадное буйство жалящего дождя. «Крышей» оказалась обычная равнина над городом. Клетку со сферами Карги Лифт не увидела. Дождь ослеплял, ветер сбивал с ног. Едва она вылезла из люка, пришлось припасть к земле и цепляться за камни. Виндль, поскуливая, вцепился в Лифт и вырастил ей опоры для рук.

Из отверстия в скале появился Мрак. Увидел Лифт и шагнул вперед, воздев осколочный клинок словно топор.

Замах.

Лифт закричала и, отпустив лозы, выставила руки над головой.

С протяжным тихим вздохом Виндль растаял в воздухе, превратившись в серебристую полоску металла.

Разящий меч Мрака встретился с ее собственным оружием. Не мечом — Лифт ни кремне не знала о мечах. Ее оружие представляло из себя обыкновенный серебристый прут. Засияв в темноте, он отразил удар, но руки у Лифт задрожали.

«Ой», — раздался в голове голос Виндля.

Барабанил дождь. За спиной Мрака били алые молнии, оставляя в глазах Лифт стойкие послеобразы.

— Думаешь, можешь со мной тягаться, дитя? — прорычал Мрак, надавливая своим клинком на ее прут. — С тем, кто прожил бессмертную жизнь? С тем, кто убивал полубогов и пережил Опустошения? Я Вестник справедливости.

— Я буду слушать тех, кого не замечали! — выкрикнула Лифт.

— Что?

— Я услышала тебя, Мрак! Ты пытался предотвратить Опустошение. Оглянись! Давай, продолжай отрицать очевидное!

Воздух расколола молния, и в городе поднялся вой. Рубиновая вспышка над полями

высветила сбившихся в кучу существ. Жалкая, печальная группа — изгнанные бедняги-паршуны.

Красная молния будто на мгновение задержалась.

Их глаза светились.

— Нет, — произнес Нейл. От его слов буря на краткий миг словно попятилась. — Это... единичный случай. Паршуны, которые... которые выжили со своими формами...

— Ты не справился. Оно уже здесь, — прокричала Лифт.

Нейл поднял голову. Грозовые тучи гневно рокотали, внутри непрерывно перекатывались красные всполохи.

В этот миг удивительным образом в нем будто что-то изменилось. Глупо было думать, что в такой круговерти — дождь, ветер, красные молнии — можно рассмотреть перемену в его глазах, но Лифт могла поклясться, что у нее получилось.

Он очнулся, словно избавившись от оцепенения. Меч выпал из пальцев и растаял туманом.

Нейл упал на колени.

— Бури! Йезриен... Ишар... Это правда. Я не справился. — Он склонил голову.

И разрыдался.

Тяжело дыша, продрогшая от жалящего дождя, Лифт опустила прут.

— Я проиграл много недель назад, — всхлипывал Нейл. — Я понял это еще тогда. О, боже. Всемогущий, оно вернулось!

— Мне жаль, — проговорила Лифт.

Он посмотрел на нее. Его лицо заливал красный свет от непрерывных вспышек, слезы смешивались с дождем.

— Тебе и правда жаль. — Он прикрыл ладонями лицо. — Я не всегда был таким. Я становлюсь хуже, верно? Это правда.

— Не знаю, — ответила Лифт.

А потом интуитивно сделала то, во что никогда бы не поверила, — обняла Мрака.

Он прильнул к ней, это чудовище, это бесчувственное существо, бывшее некогда Вестником. Он прильнул к ней посреди бури и снова разрыдался. Затем с раскатом грома отпрянул и встал. Из-за резкого порыва ветра поскользнулся на камне. Засиял и, метнувшись в небо, растворился в темноте. Лифт заставила себя подняться и бросилась лечить раны Карги.

— Короче, мечом тебе быть не обязательно, — рассуждала Лифт, сидя на комодке Карги, потому что нормального стола у той не нашлось.

— Меч — традиционный выбор, — возразил Виндль.

— Но тебе не обязательно быть мечом.

— Конечно нет. — В его голосе послышалась обида. — Я должен быть из металла. Есть... связь между нашими способностями, когда мы в уплотненном состоянии, и металлом. С другой стороны, я слышал рассказы о спренах, которые превращались в луки. Понятия не имею, как им удавалось создать тетиву. Возможно, Сияющие носили ее с собой.

Лифт кивнула, хотя на самом деле почти не слушала. Кому вообще есть дело до луков, мечей и прочей ерунды? Здесь таились гораздо более интересные возможности.

— Интересно, какой бы из меня вышел меч... — проговорил Виндль.

— Вчера ты весь день напролет ныл, что я кого-нибудь тобой ударю!

— Естественно, я не хочу быть мечом, которым размахивают по любому поводу. Однако в осколочном клинке есть некое величие, которое хочется продемонстрировать. Надо полагать, из меня вышел бы отличный меч. Меч, исполненный достоинства.

Внизу постучали в дверь, и Лифт наострила уши: Карга с кем-то разговаривала. К сожалению, на письмоводительницу не похоже, слишком мягкий голос. Дверь закрылась, и Карга, поднявшись по ступенькам, внесла в комнату большую тарелку с блинчиками.

У Лифт заурчало в животе, и она поднялась на комодке.

— Так, эти блинчики для тебя?

Карга, как всегда сморщенная, подбоченилась.

— Есть какая-то разница?

— Разница огромная. Ведь это не для детей, ты собиралась съесть их сама?

— Десяток блинчиков?

— Именно.

— Ну конечно. — Карга закатила глаза. — Сделаем вид, будто я собиралась все съесть сама.

Она поставила блинчики рядом с Лифт, и та тут же начала уплетать их за обе щеки.

Скрестив костлявые руки на груди, Карга бросила взгляд через плечо.

— Кто там приходил? — спросила Лифт.

— Мать. Сгорая от стыда, требовала вернуть ей ребенка.

— Кроме шуток? — спросила Лифт между укусами. — За Миком и правда вернулась мама?

— Она явно знала, что сын притворяется больным. Это было частью обмана, чтобы... — Карга замолкла.

«Ха», — подумала Лифт. Мать не могла знать, что Мик исцелился — это случилось только вчера, а в городе после бури царил бардак. К счастью, все не так плохо, как могло быть. Откуда бы ни дула буря, в Йеддо это не важно.

Впрочем, ей страсть как хотелось узнать, что творится в остальной части империи. Похоже, все снова катилось неведомо куда, только на этот раз в другую сторону.

И все же приятно услышать добрую новость.

«Мама Мика и правда вернулась. Значит, иногда случается и такое».

Карга теребила свою шикву с разрезом от ножа Мрака. Даже после стирки на ткани оставались следы крови.

— Ты точно уверена, что я исцеляла детей?

— Ага, — ответила Лифт с набитым ртом. — Вокруг тебя должна ошиваться странноватая мелкая ерундовина. Не я. Нечто еще более странное. Вроде лозы.

— Спрен, — кивнула Карга. — Но не в виде лозы. Похож на пятно света, отраженное зеркалом на стену...

Лифт взглянула на Виндля, свернувшегося рядом на стене. Тот кивнул лицом из лоз.

— Пожалуй, то что нужно. Поздравляю, Карга. Голод побери, теперь ты Сияющий рыцарь. Ты подпитывалась сферами и лечила детей. Наверно, это слегка уравнивает твоё отношение к ним, как к грязному белью.

Карга окинула взглядом Лифт. Та продолжала жевать блинчики.

— Я думала, Сияющие Рыцари более величественные.

Лифт скорчила гримасу, отвела руку в сторону и призвала Виндля в форме большой сверкающей серебристой вилки. Осколочной вилки, если угодно.

Воткнула вилку в блинчики, и та, прошив их насквозь вместе с тарелкой, продырявила комод. Поддеть блинчик все же удалось.

Лифт откусила большой кусок.

— Величественные, как яички самого Опустошения, — объявила она и ткнула Виндлем в Каргу. — Это я изысканно выражаюсь, чтобы моя вилка не жаловалась, что я грубиянка.

Похоже, на это у Карги не нашлось слов. Она лишь уставилась на Лифт, отвесив челюсть. Из ступора ее вывел стук в дверь этажом ниже. Открыл один из помощников, но, услышав кто пришел, женщина поспешила спуститься.

Лифт отпустила Виндля. Руками есть гораздо легче, чем вилкой, пусть и очень славной. Виндль снова принял форму лозы и устроился на стене.

Немногим позже вошла Генна — толстуха-письмоводительница из Верховной Дизразличии. Судя по тому, как Карга едва не стучалась лбом о пол, раскланиваясь перед женщиной, Лифт решила, что Генна гораздо важнее, чем она думала. Хотя волшебной вилки у нее наверняка нет.

— Как правило, я не часто посещаю подобные... места, — отметила письмоводительница. — Обычно люди приходят ко мне сами.

— Заметно, — ответила Лифт. — Ходите вы явно не много.

Письмоводительница лишь фыркнула, опустив сумку на кровать.

— Его императорское величество слегка рассердился на нас за то, что связь прервалась. Но отнесся к этому с пониманием, что не удивительно, учитывая недавние события.

— Как дела в империи? — спросила Лифт, жуя блинчик.

— Империя борется за выживание, но везде хаос. Больше всего досталось маленьким деревням. Однако, несмотря на то, что новая буря длилась дольше великой бури, ее ветра не столь суровы. Основной ущерб нанесли молнии, поразившие многих, кому не повезло оказаться в дороге.

Она распаковала свои принадлежности: доску, бумагу и даль-перо.

— Его императорское величество весьма доволен, что вы связались со мной. Он уже прислал сообщение, в котором интересуется вашим здоровьем.

— Передайте, что я еще и близко не наелась блинчиками, — сказала Лифт. — И еще у меня на пальце ноги выскочила непонятная бородавка — ее отрезаешь, а она снова

отрастает. Наверно, потому что я лечусь потрясностью, а это ужасно неудобно.

Посмотрев на нее, письмоводительница вздохнула и прочитала присланное Гоксом сообщение. В нем говорилось, что империя выживет, но потребуются длительное восстановление, особенно если буря не раз вернется. Другой проблемой, возможно, еще более опасной были паршуны. Делиться государственными секретами посредством дальпера он не хотел, в основном интересовался, все ли у нее в порядке.

В целом Лифт не жаловалась. Женщина записала то, что она продиктовала, — этого должно хватить, чтобы Гокс понял, что у нее все хорошо.

— А еще, — добавила Лифт, — я нашла другого Сияющего, правда, она совсем старая и похожа на недокормленного краба без панциря.

Она посмотрела на Каргу и, как бы извиняясь, пожала плечами. Очевидно же, или у нее нет зеркала?

— Но на самом деле она по-своему добрая и заботится о детях. Надо ее завербовать или типа того. Если придется сражаться с пустоносцами, она может злобно пялиться на них. Они не выдержат и расскажут правду, как съели все печеньки и обвинили в этом Хьюси, девочку, которая и говорить толком не умеет.

В любом случае Хьюси храпит. Так что заслужила.

Письмоводительница закатила глаза, но все записала. Кивнув, Лифт разделалась с последним блинчиком — плотным и рассыпчатым.

— Ну ладно, — объявила она, вставая. — Это девятый. Где последний? Я готова.

— Последний? — переспросила Карга.

— Десять разновидностей блинчиков. За этим я и явилась в этот забытый голодом город. Девять я уже попробовала. Где последний?

— Десятый посвящается Таши, — рассеянно произнесла письмоводительница, не отрываясь от пера. — Он скорее вымышленный, нежели настоящий. Мы выпекаем девять, а один оставляем в память о Нем.

— Погодите, так их всего девять? — удивилась Лифт.

— Ну да.

— Так вы все вралли?

— Я бы не стала так...

— Преисподняя! Виндль, куда делся тот неболом? Он должен это услышать. — Она ткнула пальцем в письмоводительницу, потом в Каргу. — Он отпустил тебя, несмотря на всю историю с отмыванием денег, только по моей просьбе. Но когда узнает, что ты соврала насчет блинчиков, не факт, что моих силенок хватит его сдержать.

Обе уставились на нее с таким видом, будто были ни в чем не виноваты. Лифт покачала головой и спрыгнула со столика.

— Прошу прощения. Мне нужно отлучиться в Сияющую уборную. Проще говоря, я хочу...

— Вниз по лестнице и налево, — перебила Карга. — Она все там же, где была с утра.

Лифт вприпрыжку спустилась по ступеням. Заглянув в большой зал, подмигнула одной из сироток и направилась к входной двери. Виндль не отставал. На улице Лифт полной грудью вдохнула воздух, все еще влажный после Бури бурь. На земле повсюду валялся мусор, сломанные вывески, ветки и обрывки тряпок.

Однако город выжил, и люди уже занялись уборкой. Всю жизнь они прожили в тени великих бурь. Они приспособились и смогут приспособиться снова.

Улыбнувшись, Лифт зашагала по улице.

— Значит, мы уходим? — спросил Виндль.

— Ага.

— Вот так, не прощаясь?

— Ага.

— Так всегда будет? Появляемся в городе и покидаем его, прежде чем пустить корни?

— Конечно. Хотя в этот раз, думаю, можно вернуться в Азимир, во дворец.

Виндль так поразился, что замер на месте. Потом метнулся за ней, довольный, как щенок рубигончей.

— Правда? О, госпожа! Правда?

— По-моему, никто не знает, чем занимается в жизни. Так что я нужна Гоксу и занудным визирям. — Она постучала пальцем по виску. — Я сама это поняла.

— И что же вы из этого понимания вынесли?

— Абсолютно ничего, — с полной уверенностью объявила Лифт.

«Но я буду слушать тех, кого не замечают, — подумала она. — Даже таких людей, как Мрак, о котором я бы лучше вообще никогда не слышала. Возможно, это поможет».

Попетляв по городу, они взошли по пандусу и миновали капитана стражи. Та была на дежурстве — разбиралась с еще большим наплывом беженцев. Многие лишились домов из-за бури и теперь стекались в город. Заметив Лифт, капитан от удивления чуть не выпрыгнула из собственных сапог.

Лифт улыбнулась и выудила из кармана блинчик. Из-за нее к этой женщине приходил Мрак. После такого чувствуешь себя должником. Поэтому она бросила женщине блинчик — уже более походящий на мячик — и с помощью накопленного буресвета принялась залечивать раны беженцев.

Капитан стражи с блинчиком в руке молча наблюдала, как Лифт, двигаясь вдоль очереди, выдыхает на каждого буресвет, словно пытается доказать, что у нее не воняет изо рта.

Голод побери, тяжелая работенка. Но для этого и нужны блинчики — чтобы детям стало лучше. Закончив и потратив весь буресвет, Лифт устало махнула рукой и поплелась на равнину за городом.

— Очень великодушно с вашей стороны, — отметил Виндль.

Лифт пожалала плечами. Особой разницы не видно — всего несколько человек. Но эти люди были из тех, кого почти все забыли и не замечали.

— Рыцарь получше остался бы и вылечил всех, — сказала Лифт.

— Сложная задача. Возможно, невыполнимая.

— И в то же время слишком легкая.

Лифт, сунув руки в карманы, некоторое время просто шагала по дороге. Она не могла толком объяснить, но точно знала, что надвигается нечто более значительное. И что ей нужно попасть в Азир.

Виндль прочистил горло. Лифт уже приготовилась услышать очередную жалобу, например, насчет того, как глупо было переться сюда из Азимира, чтобы спустя всего два дня отправиться обратно.

— ...Вилка из меня вышла весьма достойная, что скажете? — спросил он.

Лифт взглянула на него, усмехнулась и склонила голову набок.

— Знаешь, Виндль, удивительно, но... я начинаю думать, что, может, ты вовсе и не

пустоносец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Послесловие

Лифт — один из моих самых любимых персонажей «Архива бурсвета», даже несмотря на то, что до сих пор ей отводилось совсем немного «экранного» времени. Я приберегаю ее для более значимой роли в будущих книгах цикла, но это ставит передо мной некоторые сложности. К тому времени, как Лифт станет главным персонажем цикла, она уже произнесет несколько клятв, и будет неправильно, если читатель не узнает, как это произошло.

Во время работы над третьей частью «Архива» я заметил небольшую проблему последовательности и преемственности. К тому моменту, как мы снова встречаем Вестника Нейла в книге, он уже признал, что его многовековая работа (наблюдать и препятствовать возвращению Сияющих) больше не имеет смысла. Это значительная перемена в его самосознании и личных целях, поэтому мне казалось неправильным оставить ее за кадром.

Повесть «Гранетанцор» подарила возможность исправить сразу обе проблемы, а заодно устроить бенефис Лифт.

Я так люблю писать про Лифт отчасти потому, что ее взросление и значимые моменты как персонажа приходится выражать необычными странными фразочками. Например, в интерлюдии в «Словах сияния» она утверждает, что ей десять лет уже три года подряд (в шутку). Это может вызывать улыбку, пока не становится ясно, что она и правда думает, будто перестала взрослеть в десятилетнем возрасте. (И имеет на то серьезные основания.)

К большинству персонажей применять такие приемы я не могу.

Я также использовал эту историю как возможность показать ташиккцев, которые (не имея в своих рядах ни одного значимого персонажа), по всей вероятности, будут не часто появляться в цикле.

Изначально эта повесть планировалась в пределах восемнадцати тысяч слов, а в итоге составила примерно сорок тысяч. Что тут скажешь, бывает. (Особенно, если вы Брендон Сандерсон.)

Брендон Сандерсон